


# ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 46 НОЯБРЬ 1982




Пролетарии всех стран, соединяйтесь!




ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2887)

13 НОЯБРЯ 1982




# МОСКВА, КРАСНАЯ



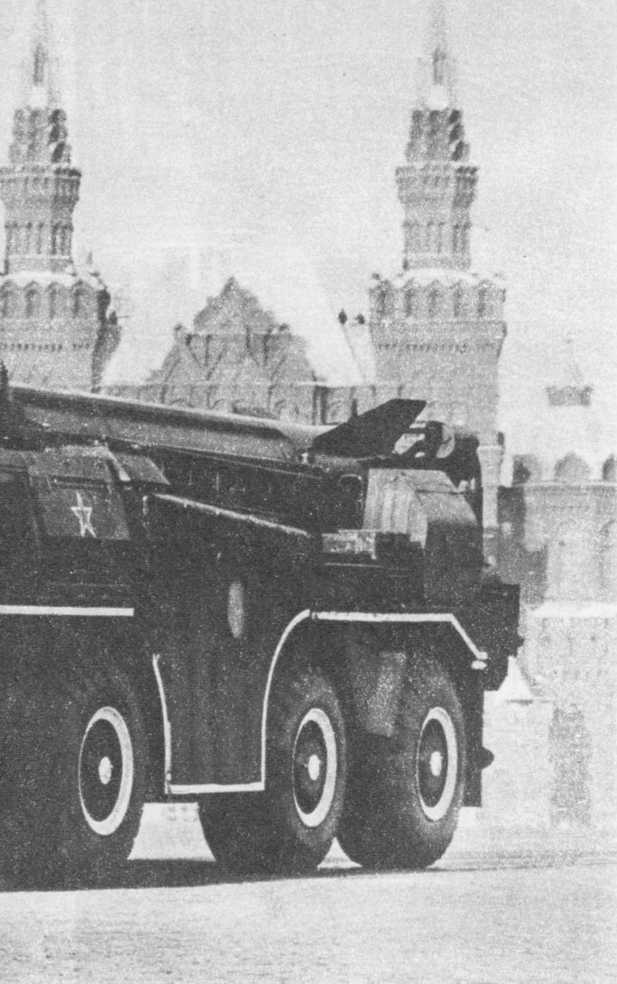

# ПЛОЩАДЬ, 7 НОЯБРЯ 1982 ГОДА

Фоторепортаж
с Красной
площади
вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ.



# МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 7 НОЯБРЯ 1982 ГОДА

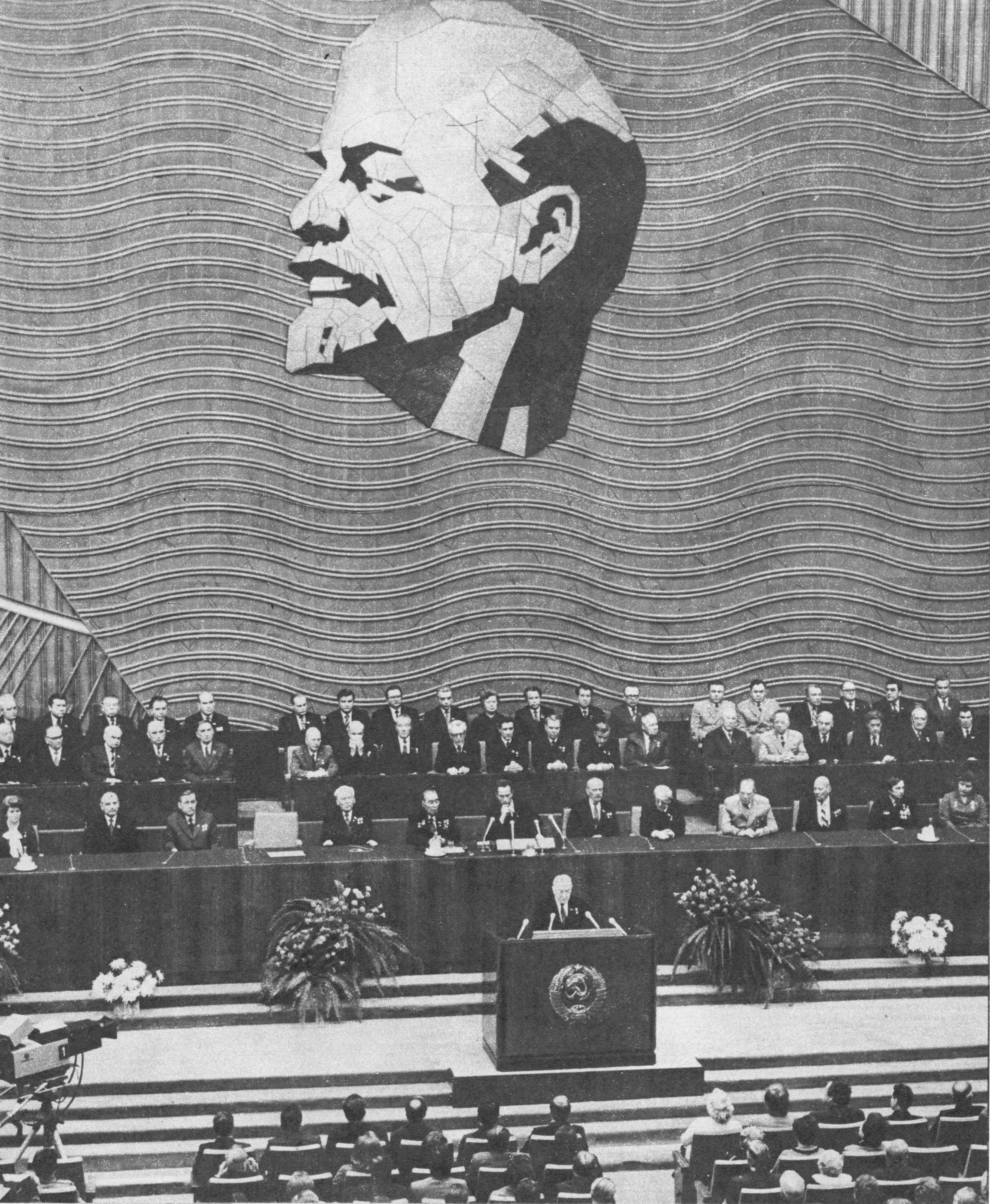




**Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантюр никогда не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.**

**Л. И. БРЕЖНЕВ.** Из выступления в Кремлевском Дворце съездов на приеме по случаю 65-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.





5 ноября 1982 года, Москва, Кремлевский Дворец съездов. Торжественное заседание, посвященное 65-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

# ЮБИЛЯР № 250 000

**У кировцев большой праздник: с конвейера сошел 250-тысячный трактор «Кировец». На митинге, посвященном этому событию, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. Романов зачитал приветствие Леонида Ильича Брежнева рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим Ленинградского производственного объединения «Кировский завод». В приветствии, в частности, отмечается:**

**«Самоотверженным трудом рабочих, инженерно-технических работников и служащих объединения в содружестве с предприятиями-смежниками, благодаря целенаправленной политической и организаторской деятельности Ленинградской партийной организации создано крупнейшее в мире производство мощных колесных тракторов. Успешно продолжается отработка перспективных моделей тракторов, что позволит сделать новый шаг в повышении производительности труда земледельцев».**

К этому празднику они шли 20 лет — с того памятного августовского дня 1962 года, когда водитель-испытатель Сергей Павлович Катыкин впервые вывел на проспект Стачек невиданную доселе ленинградцами огромную колесную машину.

Элегантная и мощная, она вызывала удивление, восторг. И хотя еще впереди были рабочие подвиги «Кировца» на целине, народ мгновенно и метко окрестил его «степным богатырем».

— Такой трактор не мог не появиться у нас в Союзе,— говорил тогда ветеран завода К. Я. Яковлев.— Эта машина под стать необъятным нашим просторам.

Константин Яковлевич был в числе тех, кто собирал первый отечественный трактор, и именно ему доверена была высокая честь вывести трактор на первомайскую демонстрацию 1924 года.

По его рассказам отчетливо представляю себе тот синий ветреный день, расцвеченную флагами площадь Урицкого (Дворцовую). Звонкий грохот стальных тракторных шипов по булыжнику и шквал оваций, ликование огромной толпы, запрудившей площадь. Еще бы — всем памятны были ленинские слова, сказанные на VIII съезде партии: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)».

Ильич не дожил до этого светлого дня, но первый шаг к исполнению его мечты был сделан: сразу два своих советских трактора шли в праздничных колоннах.

Скорые перемены на селе обещал лаконичный лозунг, что несли впереди двое пожилых рабочих: «Берегись, соха, трактор идет!»

Напомню: в первом же году первой пятилетки краснопутиловцам было поручено выпустить три тысячи тракторов. На следующий год уже десять тысяч! А они, прикинув резервы, выступили со встречным предложением: сделаем не десять, а двенадцать! И сделали...

А 12 июня 1931 года в три часа утра с конвейера сошел «фордзон-путиловец» с номером 25 000 на радиаторе. Тут же, не отходя от него, рабочие составили письмо Сергею Мироновичу Кирову:

«...25-тысячному трактору присваиваем твое имя как олицетворение беспощадной борьбы за чистоту генеральной линии партии, за выполнение ленинских заветов...

Краснопутиловцы никогда не сдадут передовых позиций в борьбе за социализм!»

Этой клятве они не изменили. Ни в суровую блокадную пору, когда линия фронта проходила, по сути, через заводские цеха, ни в последующие мирные годы возрождения.

Невозможно даже кратко перечислить все, что делали и делают они для страны. Как правило, это особо сложная, требующая исключительной квалификации и опыта продукция: турбоагрегаты для танкерного и ледокольного флотов, мощные насосы для атомных станций и т. д.

Но особой строкой в заводской да и всей нашей истории стал «Кировец» — трактор, столь много значащий для освоения целины, подъема Нечерноземья, работы в степных районах Союза.

...Бригадир участка двигателей А. С. Степанов собирает его уже двадцать лет.

— И что примечательно,— говорит он,— все это время машина совершенствуется фактически непрерывно. В ней воплощается все лучшее, что есть в отечественном и мировом тракторостроении. И не случайно на нашем конвейере трудится так много молодежи. Ребятам здесь интересно. И после армии большинство из них снова возвращается в свой цех. Так было с Юрием Смирновым, ставшим моим заместителем, Сережей Суетовым. Сейчас провожаем на службу в армию выпускника ПТУ Андрея Жукова. Он говорит, что после армии вернется сюда, чтобы своими руками начать сборку нового, пятисотсильного трактора. «К-710» пока еще проходит всесторонние испытания, хотя уже в скором времени ему предстоит стать прообразом нового, четвертого поколения «Кировцев».

А мне недавно довелось побывать в кабине модернизированного «К-701», моторесурс которого доведен до 8 тысяч часов. У этой машины на треть увеличен объем топливного бака, установлена новая рулевая система с регулируемой колонкой, более просторна кабина с повышенной площадью остекления, есть воздухоохладитель. Чувство такое, что находишься в комфортабельной легковушке. Да и усилий, чтобы управлять этим гигантом, потребуется ненамного больше.

И здесь снова вспомнился тот самый первый «фордзон», который К. Я. Яковлев с товарищами создавали без всяких чертежей, на глазок, разобрав и измерив американский прообраз. Как же неизмеримо далеко шагнули мы! В социалистических обязательствах кировцев на этот год предусматривается в дополнение к существующим внедрить четыре установки плазменной сварки и резки металла, организовать опытный участок плазменного напыления покрытий, ввести в эксплуатацию четыре роботизированные линии в составе не менее 14 роботов-манипуляторов.

...Окруженный радостными, взволнованными людьми, украшенный цветами и транспарантами сходит с конвейера «Кировец» с порядковым номером 250 тысяч. Лучшие из лучших собирали его. А оборудование для юбиляра поставляли города Жданов и Бобруйск, Ярославль и Днепропетровск, Магнитогорск и Саратов. И это тоже немаловажный штрих в биографии машины, родившейся в славный год 60-летия СССР.

**О. ПЕТРИЧЕНКО,**
**собкор «Огонька»**

**Фото Ю. Щенникова**




Есть 250 000-й!





# МОСКВА И МОСКВИЧИ

## ФЛАГ НАД ТЕЛЕБАШНЕЙ

Отсюда, снизу, он кажется совсем небольшим, с ладошку; и не видно, как его рвет и треплет ветер. На самом же деле над телебашней — полотнище в двенадцать квадратных метров. Бригада высотников дважды в год, 30 апреля и в канун ноябрьских праздников, поднимается более чем на полкилометра в небо и заменяет стяг. А между сменами полгода — дожди, снег, шквальный ветер, палящие солнечные лучи. Оказывается, ткань, которую разработали в Центральном научно-исследовательском институте шерсти, может выдержать и не такое. Она делается из нитрона. Правда, он почти не поддается окраске. Поэтому краситель тоже пришлось искать особый — катионовый.

А затем флагом занялись предприятия. На Московской суконной фабрике имени П. Алексеева выткали полотно. Надо ли говорить, что эту работу поручили самым квалифицированным ткачихам? Здесь же, на фабрике, новая ткань и прошла первые испытания. Что с ней только не делали: и рвали, и мяли, и водой поливали... Испытания — механические, физико-колористические, на разрыв, на выгорание и на многое другое — показали, что стяг из такой ткани за полгода не состарится.

Еще одну обработку материал стяга проходит на Владимирской галантерейной фабрике. Здесь полотна сшивают — и специальной строчкой и при особом раскрое. Дело в том, что ткань из нитрона перекашивается — значит, надо и это учесть...

Заготовили ткани впрок. И вот высотники вновь ушли вверх, на самую макушку — выше только небо — Останкинской башни.

И. ТОЛКАЧЕВА

## МАРШРУТ 1982 ГОДА

...Занимаем место в автобусе, и он мчит нас по маршруту 1982-го, юбилейного года.

Большой театр... Стоп! Отсюда начинается рассказ: шестьдесят лет назад здесь состоялся I Всесоюзный съезд Советов. Тысячи делегатов всех национальностей с энтузиазмом приняли решение о создании единого государства — Союза ССР. «Мы здесь закладываем первый камень действительного братского общежития»,— сказал тогда Михаил Иванович Калинин.

Экскурсовод рассказывает о съезде, о его делегатах, об истоках нашего сегодня. По проспекту Калинина, по улице Воровского автобус привезет к зданию постоянного представительства Совета Министров Литовской ССР при Совете Министров СССР. Здесь речь — о государственном устройстве нашей страны. Экскурсовод напоминает, что каждая республика имеет в Москве свое представительство.

И около Литературного института, бывшего дома А. Герцена, заметят прохожие наш автобус. Москва стала центром многонациональной советской литературы. Народы, не имевшие до революции не только изящной словесности, но и письменности, теперь читают произведения своих писателей на родном языке.

Героическое революционное прошлое и сегодняшний день встанут перед нами у новых цехов комбината «Трехгорная мануфактура». Отечественная война и ее герои вспомнятся нам у памятника Москве — городу-герою. Увидим мы и необычную современную архитектуру: у метро «Юго-Западная» строится целый комплекс институтов.

Последняя остановка автобуса у Центрального дома туриста... Звучащей диорамой закончилось наше увлекательное путешествие по Москве.

Маршрут «60-летию образования СССР посвящается» подготовлен Московским городским бюро экскурсий. Это крупнейшая экскурсионная организация в стране: тысяча двести экскурсоводов, полмиллиона экскурсий за год.

И. ГЕРО

## ЮБИЛЕЙ «МАЛЫША»

«Посадил дед репку...», «Жила-была курочка Ряба...» — много сказок слышали мы в детстве от своих бабушек. Хороши сказки, но... Время идет, наука и техника развиваются. У работающих бабушек все меньше времени остается на сказки. А потребность малышей в информации растет... Двадцать пять лет назад для них было создано специальное издательство. В нем стали выходить многочисленные серии для детей разных возрастных групп. Серия «Почемучкины книги», например, увлекательно, в доступной для детского понимания форме рассказывает о достижениях науки и техники, об истории, природе, географии.




Красноречивы уже сами названия книг: «О том, как устроен атом», «Что подсказала летучая мышь», «Почему вода мокрая», «Как человек приручил огонь», «Есть ли вода в Море дождей?» (о том, чем Луна отличается от Земли). С героями гражданской и Великой Отечественной войн Чапаевым, Фрунзе, Щорсом, маршалами Жуковым, Рокоссовским и многими другими знакомит серия «Легендарные герои». Удачно придумана серия «Дедушкины медали», из которой малыши по текстам и картинкам узнают об обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, о взятии Берлина, освобождении Вены, Праги. Всегда желанны для детишек любого возраста сказки народов СССР, лучшие детские стихи и рассказы русских и советских поэтов; они издаются часто и большими тиражами. Много красочной, с большим вкусом оформленной продукции выпускает «Малыш»: книжки-раскладушки, кубики, альбомы самоделок, книги для раскрашивания, волшебные переводные картинки, настольно-печатные игры, плакаты, настенные картины. Дети 32 стран мира имеют возможность знакомиться с изданиями «Малыша» на своем родном языке.

Главная цель коллектива издательства — воспитывать в детях доброту, справедливость, любовь к Родине. За четверть века «Малыш» выпустил 2 миллиарда 700 тысяч изданий, которые стали любимыми спутниками детворы.

Марат ЦЕБОЕВ

## «СПАСИБО, ВКУСНО!»

Когда домой вернулся, жена ахнула: «Похудел-то как!..» И все же часто и благодарно вспоминает Константин Георгиевич Сомхишвили свою недавнюю поездку в Италию. Да, времени на экскурсии не было: с утра до вечера в кухне ресторана «Дружба», что в центре города Пиза. Толком и поспать не успевал. Хотелось попотчевать дорогих гостей русскими блюдами да и в приготовлении итальянских не ударить лицом в грязь. Собственное «сочинение» Константина Георгиевича — спагетти, но со сметаной да с орехами — необычно... До чего вкусно! По душе пришелся гостям «русский салат», как его окрестили итальянцы. Овощи, свежие и маринованные, специи, привезенные Сомхишвили из дома, и итальянские приправы... Большая популярность выпала на долю этого салата!

...Выдумки Константину Георгиевичу не занимать. И поездка на праздник газеты «Унита» еще раз это подтвердила. А поездил в своей жизни Сомхишвили немало. Бывал в Австрии, Франции (на праздниках коммунистических газет «Фолькcштимме» и «Юманите»), был в Монголии, Иране, Ираке, Египте — обучал там молодых поваров. Трудно было? Сначала... Главное препятствие — языковой барьер. Хотя в изучении персидского, например, помогло знание азербайджанского. Скоро и переводчик стал не нужен. Кроме азербайджанского и персидского, Константин Георгиевич владеет турецким, арабским, а грузинский — его родной язык, хотя живет Сомхишвили не в Тбилиси, а в Москве, работает в кафе «Серебрянка».

Поваром он стал случайно. Приехал в Кутаиси. Шел по городу, увидел объявление о приеме на курсы поваров и решил попроситься в ученики. «Что ты, паренек, тебя за котлами да кастрюлями и не увидишь». Однако приняли.

— Повар должен быть внимательным, добрым и — хозяином — так сформулировал наш собеседник качества, необходимые для кулинара. И тут же стал расшифровывать: — Внимательным? Читаю ли я книгу или телевизор смотрю, всегда отмечу там интересное блюдо, оригинальную сервировку. Добрым? Не жалеть хорошего продукта, но и не портить ничего. Хозяином? Так у меня же целый день гости — один идет пообедать, второй — закусить. Но все равно — гость. И как же хорошо на душе, когда тебе говорят такие обычные, а для нас главные слова: «Спасибо, очень вкусно!»

Н. ЯКОВЛЕВА,
студентка факультета журналистики МГУ

# ВЫ СТОИТЕ ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

**Маданмани ДИКШИТ,**
**главный редактор еженедельника «Самикша» (Непал)**



Мы, участники XI заседания Президиума Организации солидарности народов Азии и Африки, проходившего в Ташкенте с 11 по 17 октября 1982 года, в год четвертьвекового юбилея этой организации, возвращаемся к себе на родину, унося в наших сердцах чувства окрепшей солидарности и дружбы между странами Азии, Африки и Латинской Америки.

На этом заседании произошла дальнейшая консолидация антиимпериалистического фронта народов и государств, принадлежащих к различным общественным системам, были заложены основы новых и новых побед народных масс. Были намечены новые пути борьбы против очагов войны, агрессии, дестабилизации, саботажа, геноцида и кровавой резни — всех этих доспехов американского империализма и его сионистской марионетки, именуемой Израилем.

И все это происходило в Ташкенте — городе-жемчужине Востока!

Движение ОСНАА зародилось в Каире во времена Насера, под сенью могущественного, недремлющего сфинкса, который как бы из древности передает грядущим поколениям послание мира, любви и надежды.

Заседание Президиума ОСНАА, ознаменовавшее новый этап зрелости нашего победоносного международного движения, проходило в Ташкенте в тот период, когда весь советский народ готовился к встрече 60-летия образования СССР.

Юбилейное послание ОСНАА советскому народу, единодушно принятое под бурные и продолжительные аплодисменты, содержит в себе то, что хотели сказать советскому народу горячие и трепетные сердца революционных борцов и патриотов из десятков стран, на долю которых приходится почти половина населения Земли. Это послание, выраженное простым и ясным языком, является одновременно нашей торжественной данью уважения и восхищения всему советскому народу, который всегда стоял твердо, плечом к плечу с народами тех стран, которые подвергались и подвергаются агрессии со стороны злейшего из врагов человечества — империализма.

На ташкентском заседании присутствовали посланцы новой Африки — островов Зеленого Мыса, Анголы, Мозамбика и Эфиопии. Посланцы Черного континента, навсегда распростившегося с эрой империалистического господства.

Преисполненные патриотизма, мужества, правды сообщения из Кабула и Пномпеня свидетельствовали о том, что Афганистан и Кампучия находятся на пути к возрождению, отвечающему патриотическим чаяниям широких масс народов этих двух стран.

Не могу не сказать о том, какое яркое впечатление произвел на нас Узбекистан.

Эта республика создала прекрасную ирригационную систему. Вода здесь повсюду — и это среди обширных центральноазиатских пустынь!

В воде нуждаются земли и хлопок, множество поющих и звенящих фонтанов городов и, конечно, юные и любящие сердца жителей Ташкента. Где еще такая голубая вода и такой нежный белый хлопок! Немудрено, что именно эти два цвета носит славный флаг республики.

В Узбекистане много промышленных предприятий. Мы посетили одно из них — тракторный завод имени 50-летия образования СССР.

Во время этого посещения я сразу же подметил две очень важные особенности. Я не замедлил рассказать о них рабочим завода, собравшимся выслушать рассказ о нашем заседании.

«Товарищи,— сказал я,— нетрудно увидеть, в каких условиях вы работаете. Это написано на ваших лицах. Вы выглядите счастливыми, здоровыми, удовлетворенными, довольными и сильными! Совершенно иначе обстоит дело с условиями работы на предприятиях капиталистического мира, где на лице рабочего человека написаны черным по белому усталость, тревога и страх за будущее. Такова разница между двумя общественными системами.

И еще я заметил одну любопытную особенность. Здесь передо мной среди рабочих я вижу не только узбеков, но и таджиков, киргизов, туркменов, азербайджанцев, грузин. Вы стоите плечом к плечу.

На Западе печать твердит нам, что национальный вопрос далеко еще не решен в СССР и что между людьми разных национальностей продолжаются распри. Пусть же эти клеветники и фальсификаторы приедут на ваш завод и убедятся собственными глазами в своей лжи».

И была еще одна, третья вещь, о которой я не успел сказать тогда. В тот день, 18 октября, в числе слушавших мое выступление на тракторном заводе были юноши и девушки с сильными руками, которые сказали «Нет!» ужасам землетрясения, воздвигнув впечатляющий монумент в память о победе над последствиями землетрясения 1966 года.

Никогда не забуду девушек — работниц завода, наряды и украшения которых позволяли сравнивать их с принцессами из сказок! Радостью и улыбками светились их лица, когда они встречали нас у ворот завода с букетами цветущих красных и белых гвоздик.

Это Узбекистан, принадлежащий своему народу. «Все для народа, все для трудящихся!» — этот лозунг претворяется здесь в жизнь во всей его полноте.

Советский человек покончил с тьмой, ибо он совершил самую светлую революцию, когда-либо происходившую на земле. Он олицетворяет жизнь, так же как капитализм олицетворяет умирание. Он покончил с обманом и ложью, тысячелетиями опутывавшими людей.

Поездка в СССР укрепила мою веру в светлое будущее моей страны. Моего Непала. Моя вера в человека получила могучий импульс, и мое представление о величии и созидательных возможностях человека раздвинулось.

Привет Узбекистану!

Привет Его Величеству Советскому Человеку!

# У ЛЖИ КОРОТКИЕ НОГИ

**Эрнст-Отто ШВАБЕ,**
**главный редактор еженедельника «Хорицонт» (ГДР)**

Едва должность президента США занял голливудский киноактер Рейган, его администрация начала проявлять «твердость характера». Открыто был взят курс на конфронтацию с Советским Союзом и странами социалистического содружества. Недавно она обрушила весь свой гнев на торговую сделку «газ — трубы», которую заключили между собой СССР и страны Западной Европы. Так как американским концернам в этом случае нечем было поживиться, США предприняли лихорадочные усилия к тому, чтобы эта сделка не состоялась. Увы, угрозы и шантаж на европейцев не подействовали. Тогда Вашингтон, вытащив на свет замусоленный тезис о «правах человека», потребовал наложить санкции на те фирмы Западной Европы, которые пользовались заокеанской технологией. А поскольку это стало бы прямым нарушением существующих правовых норм, пришлось срочно подводить под санкции «моральную» основу.

И начинал вращаться маховик откровенной лжи. На рядового обывателя обрушилась лавина сенсационных «открытий», будто на строительстве газопровода в принудительном порядке работают 100 тысяч человек, в основном... политзаключенные! Задание возглавить эту кампанию лжи было дано так называемому «Обществу по борьбе за права человека», окопавшемуся в западногерманском городе Франкфурте-на-Майне. «Общество» было создано еще в конце 70-х годов западными, в первую очередь американскими разведслужбами. Во главе «правозащитников» стал некий Иван Агрузов, родом из города Печоры, что западнее Пскова. Во время гитлеровской оккупации Агрузов добровольно вступил в отряд полиции, совершил не одно преступление против советских людей. После разгрома вермахта вместе с другими недобитыми преступниками предатель нашел приют в Западной Германии. Сначала сотрудничал с «джентльменами» английской «Интеллидженс сервис», затем перешел на службу в ЦРУ. Во времена «холодной войны» Агрузову давали не одно задание. Он даже работал в американской школе диверсантов, расположенной в окрестно-



# НОВЬ

**Игорь ДОЛГОПОЛОВ,**
**заслуженный деятель искусств РСФСР**

Большой театр показал премьеру балета «Золотой век». Вновь после полувекового перерыва зазвучала музыка молодого Дмитрия Шостаковича. Как всякое крупное произведение искусства, «Золотой век» имеет свою историю. Он был поставлен в Ленинграде 52 года тому назад. Но успеха не имел. В спектакле были заметные просчеты — наивная схематичность, прямолинейность в раскрытии образов. Словом, его забыли.

Прошло время. Советский балет заслужил мировое признание. В формировании пластического языка нашей хореографии большая роль принадлежит Юрию Григоровичу, четверть века отдавшему созданию балетов на музыку Чайковского, Прокофьева, Хачатуряна... Его новаторские творения вошли в летопись отечественной школы. Балетмейстер мечтал вернуть к жизни «Золотой век» Шостаковича. Задача была невероятно трудна. Партитура и клавир утеряны. Либретто требовало кардинальной переработки. И все же Григорович упорно стремился к поставленной цели. Ему помогал талантливый коллектив композиторов, дирижеров, исполнителей. Наконец, новое прочтение Шостаковича завершено. В музыкальную ткань «Золотого века» ввели два адажио из фортепианных концертов и фрагмент к спектаклю «Человеческая комедия». Это было вызвано желанием постановщика глубже раскрыть гуманистическую суть музыки, усилить лирическую линию в спектакле. Не бытовую, внешнюю схожесть преследовал и искал Григорович. Он хотел языком танца раскрыть духовное противостояние молодых граждан Республики Советов и уходящих теней эпохи нэпа.

Первые такты увертюры. Лучезарный, чарующий свежестью, светлый праздник юности. Блики весеннего солнца горят на кумачовых стягах. Вьются по ветру алые вымпелы. Озорные девушки, веселые парни — молодые, сильные, дерзкие. Их ликующие танцы полны огня, ощущения полета, энтузиазма... Вдруг наступил миг безмолвия. Пауза. На огромной пустой сцене — Наталья Бессмертнова. Ее вдохновенный монолог исполнен высокой пластики, очарования, поэзии, чистоты. Контраст шумного массового действия и музыкальной тишины лирического балетного соло — одна из отличительных черт сложного творческого почерка хореографии Григоровича, царства отточенных ритмов, острой, художественно найденной формы и богатого чувства симфонической стихии танца... Внезапно уходят подвижные занавеси. Перед нами сумеречный, мерцающий притушенными лампионами «шикарный» ресторан «Золотой век». Мы слышим томные мотивы танго, фокстротов. В фантастическом, полупризрачном хороводе мечутся пары. Мелькают приторные, лживые улыбки. Блестят мишурные украшения на броских туалетах дам. Помпезный и мизерный мир жеманных поз и жажды наживы, где пошлость и преступление — рядом... Но причудливый мир ресторана «Золотой век» — лишь фон, на котором происходит столкновение сил добра и зла, света и тьмы... Истинный золотой век побеждает в финале. Это — торжество юности, светлой правды нашей жизни.

Творчество Юрия Григоровича зиждется на глубоком знании русского классического балета и неустанном изучении лучших достижений современного танца. Новации хореографа — результат великолепного чувства созвучия музыки и пластики танца, соединение опыта, традиций со смелым поиском новых решений в искусстве балета... В короткой заметке невозможно рассказать о чудесной работе Симона Вирсаладзе, создавшего непередаваемую атмосферу подлинного торжества искусства. Изумительно звучал оркестр, руководимый Юрием Симоновым. Превосходен актерский ансамбль балетной труппы Большого театра...

Известно, что любая новь в театре непривычна и неожиданна. Однако когда опустился занавес — грохот оваций потряс зрительный зал. Это был успех! Сцена Большого театра стала похожей на цветник. И в этом мире цветов так прекрасны были счастливые лица творцов, создавших великолепный спектакль. Взявшись за руки, под шквал аплодисментов выходили постановщик и главный балетмейстер Юрий Григорович, музыкальный руководитель и дирижер Юрий Симонов, художник Симон Вирсаладзе, артисты Наталья Бессмертнова, Ирек Мухамедов, Татьяна Голикова, Геннадий Таранда, Владимир Деревянко — весь огромный коллектив, создавший «Золотой век», все делили эту радость сотворения. Одно заметное качество отличало эту работу. Рядом с прославленной балериной Натальей Бессмертновой танцевал молодой талантливый Ирек Мухамедов. Вместе с ними в балете блистала плеяда питомцев Московского академического хореографического училища, имена которых пока еще не встретишь в энциклопедии «Балет». Но они там будут.

Так на обширном небосводе советского театра взошла звезда первой величины — балет «Золотой век».

---

стях маленького западногерманского городка Бадвиззее, где под псевдонимом Виктора Ивановича преподавал радиодело. И вот, наконец, предатель сделал карьеру — возглавил «Общество по борьбе за права человека».

Телеграфное агентство ГДР (АДН) в одном из своих сообщений конца августа разоблачило деятельность этого «общества», которое меньше, чем кто-либо другой, печется об истинных правах человека. Органы госбезопасности ГДР задержали нескольких агентов, которые признались, что получили задание от «Виктора Ивановича» — Агрузова. Диверсанты из франкфуртского филиала ЦРУ должны были совершить ряд провокаций на государственной границе нашей страны. Кроме того, было доказано, что и контрреволюционные силы в Польше не обходились без помощи «организации Агрузова». АДН опубликовало один из доверительных материалов организации, предназначенный для своих членов. Вот что в нем утверждается: «Сеть людей, готовых оказать нам помощь — мы их называем «опекунами»,— широка, но может быть еще шире»!

В середине октября государственный секретарь США Шульц открыто признался, что правительство его страны выделяет огромные суммы на финансирование вмешательств во внутренние дела социалистических стран. Шульц назвал действия своей администрации «крестовым походом в борьбе за свободу». Итак, вот откуда еще деньги. «Опекуны» не скупятся, но почему тогда в каждом своем документе «общество» назойливо просит господ за океаном оказать ему финансовую помощь? Ответ простой: только лишь потому, что львиная доля выделенных средств оседает в карманах его руководителей. Что называется, «про черный день»...

Справедливый вопрос: чем отличается «компания Агрузова» от множества других, ей подобных? Если только финансовыми махинациями — так этим «грешат» и другие «борцы за правду». У «агрузовцев» же почерк особый: полное игнорирование нарушений прав человека в ФРГ, США и других капиталистических государствах. Больше всего по душе отщепенцам откровенно реакционные методы борьбы с реальным социализмом. Если так, то почему бы не сотрудничать с турецкой фашистско-террористической группой «Серые волки»? И довольно тесно сотрудничают. А фарс с выборами в далеком Сальвадоре, который даже проповедники империалистической пропаганды вынуждены были признать делом рук ЦРУ? Организация, возглавляемая бывшим полицаем, в одной из выпущенных ею брошюр квалифицировала выборы как «свободные» и «демократические». Не кто иной — Агрузов одним из первых включился в лжекампанию об использовании на строительстве советского экспортного газопровода политзаключенных.

Средства массовой информации Запада тут же подхватили эту ложь. Любая кампания, направленная против социализма и разрядки международной напряженности, всегда поддерживается господином Шпрингером — владельцем ряда влиятельных газет в ФРГ. Его усердие, как свидетельствует нью-йоркский журнал «Нэйшн», не один раз было вознаграждено Центральным разведывательным управлением США. Банковский счет Шпрингера еще в пятидесятые годы однажды увеличился сразу на 7 миллионов долларов! Во Франции свои услуги предлагает газетный магнат Эрсан. Этот в годы войны сотрудничал с нацистами в оккупированной Франции, а сейчас увиливает от уплаты налогов, не гнушается грязных методов в предвыборных кампаниях. Биография, что и говорить, «яркая»! Политики западных государств не пекутся о том большом уроне, который наносят и без того осложненной международной обстановке Шпрингер, Эрсан и иже с ними. Куда легче сослаться на так называемую «свободу печати»! Развязывая руки врагам разрядки, политики забывают уроки истории, а о них не мешало бы помнить, особенно сейчас. Хочется привести в связи с этим пример. Несколько лет назад один из ведущих политиков ФРГ, голословно защищая «свободу печати», заявил: «Дело обстоит таким образом, что в Брюсселе, Франкфурте (на Майне.— **Авт.**), Бонне журналисты могут писать то, что хотят, пусть даже по сути они врут. Они сознательно могут искажать факты, если это необходимо».

Ложь, как известно, имеет короткие ноги. Кампания по дискредитации контракта «газ — трубы» довольно быстро сошла на нет.

Советский Союз всем дал ясно понять: газопровод — с помощью или без помощи поставок с Запада — будет сдан в срок. В этом им помогут и их верные друзья из социалистических стран. Вот конкретная помощь из ГДР: сотни добровольцев, членов Союза свободной немецкой молодежи, выразили желание работать на трассе «сделки века»!

Даже бывший государственный секретарь США Хейг вынужден был заявить: «Взаимоотношения Восток — Запад не могут строиться на односторонних санкциях. Эмбарго, наложенное на поставки техники для газопровода, является для нас тяжелым поражением». Жаль только, что американские политики слишком поздно делают правильные выводы...

Берлин.



**С. Лукин.** СВЕРШИЛОСЬ.



**С. Дудник.** 1917 ГОД.

# ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

**Д. Д. ЛЕЛЮШЕНКО, генерал армии, дважды Герой Советского Союза**

Если под Москвой занялась заря нашей победы, то разгром немецко-фашистских полчищ под Сталинградом явился коренным переломом не только во второй мировой войне, но и в сознании всей мировой общественности, признавшей, что Страну Советов победить невозможно.

Летом сорок второго целью немецко-фашистского наступления было прорваться к Волге и одновременно развить наступление на Кавказ.

Центральный Комитет партии, советское командование принимают срочные меры для организации отпора врагу. 12 июля создается Сталинградский фронт. 17 июля начались оборонительные бои на Сталинградском направлении. Передовые отряды 62-й и 64-й армий мужественно отражали атаки противника на рубеже рек Чир и Цимла.

Против наших войск наступало 14 дивизий 6-й немецкой армии, в которых насчитывалось 270 тысяч человек, 3 тысячи орудий и минометов, около 500 танков, 1200 самолетов.

Советские воины стояли насмерть. В районе Клетской героический подвиг совершили бронебойщики из 33-й гвардейской дивизии П. Болото, И. Алейников, А. Беликов и Г. Самойлов. Имея всего два противотанковых ружья, они смело вступили в бой против тридцати вражеских танков. За один день герои подожгли пятнадцать танков и не пропустили врага через свои позиции. Такое же упорство гитлеровцы встретили и на других участках.

Ожесточенность боев нарастала. 23 августа был особенно тяжелым днем для защитников Сталинграда. Танки противника прорвались к Волге в районе поселка Рынок и отрезали 62-ю армию от остальных сил Сталинградского фронта. В то время командующим армией был генерал А. И. Лопатин. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах отмечал: «...тов. Лопатин сделал все, что от него требовал воинский долг, и даже больше».

Бои принимали все более ожесточенный характер. К 12 сентября враг вышел к внутреннему оборонительному обводу. Обстановка еще более осложнилась.

Оборона северной и центральной частей Сталинграда возлагалась на 62-ю армию генерала В. И. Чуйкова, принявшего командование от Лопатина. Южную часть города защищала 64-я армия генерала М. С. Шумилова. Общее руководство было поручено Г. К. Жукову, назначенному заместителем Верховного Главнокомандующего.

13 сентября противник начал мощное наступление на центральную часть Сталинграда. Бросив в первом эшелоне против 62-й армии более трехсот пятидесяти танков, враг, неся колоссальные потери, овладел Мамаевым курганом, прорвался к заводским поселкам Баррикады и Красный Октябрь. На юге овладел станцией Садовая.

Ставка срочно направляет на правый берег Волги 13-ю гвардейскую ордена Ленина стрелковую дивизию генерала А. И. Родимцева. 16 сентября дивизия



штурмом овладела Мамаевым курганом, отбросив врага. Однако враг продолжал наступать. Он прорвался к Волге в стыке между 64-й и 62-й армиями.

Но фашистам так и не удалось овладеть Сталинградом. За время первого штурма города с 13 по 26 сентября они потеряли свыше шести тысяч убитыми, сто семьдесят танков и более двухсот самолетов.

28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской, командующим назначили К. К. Рокоссовского, Юго-Восточный фронт был переименован в Сталинградский, командовал им А. И. Еременко.

**29 и 30 сентября противник овладел поселками Баррикады и Красный Октябрь. 4 октября прорвался к тракторному заводу.**

**Геббельсовская пропаганда неоднократно оповещала мир о падении Сталинграда, но славный русский город на Волге стоял, как могучий утес. Советские воины до конца дрались за каждый квартал, каждый дом, каждый этаж. Они понимали, что дальше отступать нельзя. Прославленный сталинградский снайпер, уничтоживший 242 фашиста, старшина 1-й статьи Василий Зайцев на комсомольском собрании произнес слова, ставшие крылатыми: «За Волгой для нас земли нет. Велением Отчизны и партии дороги за Волгу закрыты».**

**Героический подвиг совершил комсомолец Михаил Паникаха. Утром 28 сентября на позиции 882-го стрелкового полка двинулись вражеские танки. Атака противника была отбита. В ходе этого боя Паникаха поднял бутылку с горючей смесью, чтобы бросить в танк. Пуля пробила бутылку, и воспламенившаяся жидкость облила бойца. Объятый пламенем, он подбежал к немецкой машине, разбил о броню вторую бутылку, и пламя поглотило героя и танк.**

**В середине октября гитлеровцы сосредоточили в районе тракторного завода восемь дивизий и предприняли отчаянный штурм. 15 октября они захватили завод и на узком участке вышли к Волге. 62-я армия оказалась разделенной на три части. Но героическая борьба продолжалась.**

**Всему миру теперь известен «Дом Павлова». 20 сентября на площади имени Девятого января отделение гвардии сержанта Я. Ф. Павлова захватило четырехэтажный дом и превратило его в опорный пункт. Затем в этот дом проник пулеметный взвод лейтенанта И. Ф. Афанасьева.**

**Фашисты подвергли дом сокрушительному артиллерийскому и минометному обстрелу, бомбили с воздуха, непрерывно атаковали, но его защитники отбивали все атаки и не позволяли гитлеровцам прорваться к Волге в этом месте. Характерно, что «Дом Павлова» защищали представители многих народов нашей страны — русские Павлов, Александров и Афанасьев, украинцы Сабгайда и Глущенко, грузины Мосиашвили и Степаношвили, узбек Турганов, казах Мурзаев, абхазец Сухба, таджик Турдыев, татарин Ромазанов. «Эта небольшая группа, — писал в своих воспоминаниях В. И. Чуйков, — обороняя один дом, уничтожила вражеских солдат больше, чем гитлеровцы потеряли при взятии Парижа».**

**Все воины — защитники «Дома Павлова» были удостоены высоких наград, а сержанту Якову Павлову присвоено звание Героя Советского Союза.**

**Группа частей во главе с полковником С. Ф. Гороховым, будучи изолирована от главных сил 62-й армии, обороняла поселок Рынок и Спартановку. 138-я стрелковая дивизия полковника И. И. Людникова отражала атаки противника в районе завода «Баррикады». Она вела бои в полной изоляции, в отрыве от главных сил 62-й армии. Гитлеровцы наступали с фронта и с флангов, а позади была Волга. К середине ноября плацдарм, или, как его называли, «остров Людникова», был размером семьсот метров по фронту и четыреста в глубину. В дивизии кончались продовольствие и боеприпасы. 16 ноября полковник Людников отдал приказ, в котором установил единый суточный рацион для всего личного состава от командира дивизии до солдата. Этот рацион состоял из 25 граммов сухарей, 12 граммов крупы и 5 граммов сахара. Солдатам выдали только по тридцать патронов. Пять суток, вплоть до перехода наших войск в контрнаступление, бойцы дивизии сражались в основном трофейным оружием, но врага не пропустили.**

Оборона Сталинграда длилась сто двадцать пять дней — до 18 ноября 1942 года. За этот период враг потерял около 700 тысяч убитыми и ранеными, более 2 тысяч орудий и минометов, свыше тысячи танков, 1400 самолетов.

Высоко оценили подвиг защитников Сталинграда весь советский народ, наши друзья и политические деятели ряда стран. Президент США Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину в августе 1942 года: «Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна».

Еще в сентябре, в разгар оборонительных боев, Ставка Верховного Главнокомандования приступила к разработке плана разгрома врага и к созданию сил и средств для успешного его осуществления.

В конце сентября представители Ставки генералы Г. К. Жуков и А. М. Василевский доложили И. В. Сталину план контрнаступления. Окончательно стратегический план разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, в разработке которого принимала участие большая группа военачальников, был утвержден в ноябре.

Помню, как-то в начале ноября на командном пункте 30-й армии раздался звонок. Командующий войсками Западного фронта И. С. Конев сообщил, что мне приказано быть в Ставке. Я выехал в Москву.

На заседании Политбюро ЦК партии и Ставки был рассмотрен



и утвержден окончательный план контрнаступления, получивший условное наименование «Уран». Мне сообщили, что я назначен командующим 1-й гвардейской армией. Это я воспринял как большое доверие партии и правительства.

Заседание проходило в кабинете И. В. Сталина. Докладывал заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков. Из доклада следовало, что весьма важную роль в операции по окружению сталинградской группировки противника предстояло сыграть Юго-Западному фронту. Это меня особенно обрадовало, так как 1-я гвардейская армия входила в его состав.

Планом предусматривалось нанесение глубоких охватывающих ударов по флангам вражеской группировки под Сталинградом по сходящимся направлениям на Калач с целью окружения и полного разгрома 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий. В этом еще раз проявилось высокое оперативно-стратегическое искусство советского командования.

Г. К. Жуков, насколько я помню, обратил внимание на необходимость своевременного пополнения боеприпасами и вооружением войск в ходе операции, особенно в танковых и механизированных частях, чтобы ни в коем случае не снижался темп наступления. Речь шла также об авиационном и артиллерийском обеспечении.

К началу контрнаступления войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов имели в своем составе более одного миллиона человек, 1463 танка и самоходно-артиллерийских орудий, 15,4 тысячи орудий и минометов.

Преимущество над противником было, правда, незначительное. Но искусное массирование сил и средств путем скрытых перегруппировок позволило создать на направлениях главных ударов фронтов значительное превосходство. Так, войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов на участках прорыва превосходили противника в людях в два с половиной раза, в артиллерии и танках — более чем в пять раз. Принцип массирования сил и средств в таком объеме раньше не применялся еще ни в одной из наступательных операций.

Переходу в контрнаступление предшествовала огромная работа командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций по разъяснению боевых задач воинам и мобилизации их сил на выполнение воинского долга по разгрому ненавистного врага. Как раз в эти дни отмечалась двадцать пятая годовщина Великого Октября. В праздничном приказе Наркома обороны говорилось: «Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!» Эти слова доводились до каждого воина. Вся деятельность партийно-политического аппарата фронтов была направлена на создание высокого наступательного порыва в войсках.

Приказ о контрнаступлении был объявлен войскам Юго-Западного и Донского фронтов в ночь на 19 ноября, а войскам Сталинградского фронта в ночь на 20 ноября.

И вот настал час, которого мы так ждали! В 7 часов 30 минут невиданной мощи гром артиллерийских орудий разорвал туманный рассвет. После 80-минутной артподготовки, не ожидая летной погоды для авиации, войска Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта перешли в решительное контрнаступление. К исходу первого дня танковые корпуса 5-й танковой армии генерала П. Л. Романенко и 21-й армии генерала И. М. Чистякова вырвались вперед, они наголову разгромили два корпуса 3-й румынской армии и во встречном сражении нанесли большие потери 48 танковому корпусу, отбросив его на юго-запад. Стрелковые и кавалерийские дивизии стремительно наступали за танковыми корпусами, развивая оперативный успех.

**О том, что творилось в войсках противника, можно судить хотя бы по воспоминаниям первого адъютанта штаба 6-й немецкой армии В. Адама: «Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины... Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили».**

**20 ноября после артподготовки перешел в наступление Сталинградский фронт. Этот удар для фашистов оказался совершенно неожиданным.**

**В итоге двухдневных боев фронты нанесли сокрушающее поражение 3-й и 4-й румынским армиям. Фланги 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий были обойдены. В это же время войска 1-й гвардейской армии и 5-й танковой армии генерала П. Л. Романенко Юго-Западного фронта и войска 51-й армии генерала Н. И. Труфанова Сталинградского фронта успешно решили задачу создания внешнего фронта окружения.**

**Угрожающая обстановка всполошила гитлеровское руководство. Начались лихорадочные поиски выхода из создавшегося положения. В ставке Гитлера возникли серьезные разногласия. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал К. Цейтцлер и командующий группы армий «Б», куда входила армия Паулюса, предлагали отвести войска 6-й армии из-под Сталинграда на запад. Но Гитлер и Кейтель настояли на том, чтобы удержать позиции в Сталинграде.**

**Развитие контрнаступления советских войск шло бурным темпом. Командир 26-го танкового корпуса генерал А. Г. Родин 21 ноября назначает передовой отряд — 14-ю мотострелковую бригаду, усиленную ротой танков под командованием подполковника Г. Н. Филиппова, с дерзкой задачей: ночью прорваться в тыл врага и захватить мост через Дон в районе Калача. Еще до рассвета 22 ноября отряд вышел к Дону, но мост был взорван. Тогда Филиппов обратился за помощью к жителям ближайшей деревни. Колхозник Гусев охотно согласился провести советского командира к переправе севернее Калача. Переправа охранялась противником. Филиппов дерзко атаковал танками с пехотой на броне. В короткой схватке бойцы уничтожили вражескую охрану и захватили мост. Отряд удерживал переправу до подхода танковой бригады под командованием подполковника Н. М. Филиппенко. Через захваченную переправу быстро прошли танки 26-го и 4-го танковых корпусов.**

**За доблестное выполнение задачи подполковникам Г. Филиппову и Н. Филиппенко было присвоено звание Героя Советского Союза. Колхозник Гусев награжден орденом Красной Звезды.**

**К третьему дню наступления операция достигла своего апогея. 23 ноября в четыре часа дня танкисты полковника П. К. Жидкова из Юго-Западного фронта и пехотинцы подполковника М. И. Родионова из Сталинградского фронта соединились в районе поселка Советский близ Калача. Кольцо замкнулось! Так завершилось истори-**

**◀ Цех свободен!!!**

**Фото Георгия ЗЕЛЬМЫ**

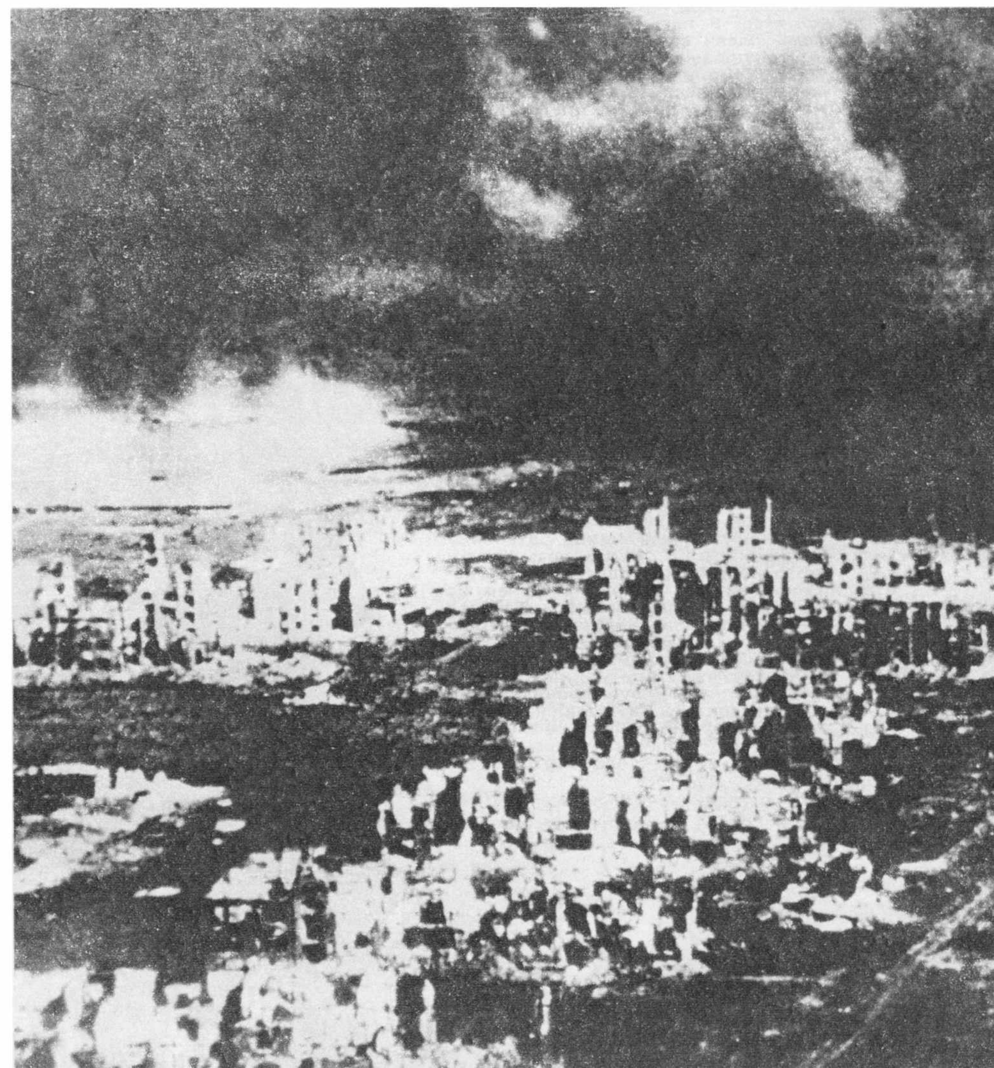


**Штурм.**



**Письмо от московских комсомольцев.**

**Сталинград, февраль 1943 года.**



В. И. Чуйков среди солдат.

ческое окружение противника под Сталинградом. В котле оказались двадцать две вражеские дивизии и более ста шестидесяти отдельных частей. В этот же день капитулировали окруженные в районе станции Распопинской 4-й и 5-й румынские корпуса. В плен сдалось двадцать семь тысяч солдат и офицеров.

Это поражение потрясло вермахт. Командующий 6-й армией генерал Паулюс, видя неотвратимую катастрофу, просил предоставить ему свободу действий на случай, если не удастся организовать круговую оборону. Но Гитлер категорически запретил выход из окружения. Причем штаб приказал разместить в Сталинграде, обещая войскам деблокаду.

С 24 по 30 ноября наши войска постепенно сжимали кольцо окружения. Противник предпринимал отчаянные попытки прорваться. Но гвардейцы стояли насмерть. Батальон капитана А. М. Попова отбил десять вражеских атак, уничтожил около пятисот гитлеровцев и пять танков. В разгар боя командир был ранен. Командование принял его заместитель по политчасти капитан И. Г. Рябцев. В рукопашном бою он уничтожил двенадцать гитлеровцев.

Одна из стрелковых рот прорвалась в боевые порядки немецкой пехотной дивизии. Фашисты начали окружать командира батальона капитана А. Г. Ермолаева. Комсомолец Яким Расулов первым бросился ему на выручку. Огнем из автомата комсомолец Расулов уничтожил девятнадцать гитлеровцев и одного убил прикладом, выручив своего командира.

Между тем противник подготовил крупную группировку войск для деблокады Паулюса, назвав ее группой армий «Дон». Командующим был назначен Манштейн, на которого возлагались большие надежды.

В группе насчитывалось 124 тысячи солдат и офицеров, 650 танков, 850 орудий и минометов, 500 самолетов.

Обстановка стала тревожной. Тогда Ставка передала 2-ю гвардейскую армию в состав Сталинградского фронта. Она быстро выдвинулась на угрожаемое направление к рубежу реки Мышковы. Тем временем воины 51-й армии стояли насмерть. Особенно жестокие бои развернулись в районах Нижне-Кумского и Верхне-Кумского.

Выдающийся подвиг в районе Нижне-Кумского совершил бронебойщик комсомолец И. Каплунов. Он подбил пять фашистских танков. В этом бою воин был тяжело ранен, но продолжал сражаться и подбил еще три машины. Истекая кровью, Каплунов пополз навстречу девятому танку. Подорвав его, герой погиб. Каплунову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Для оказания помощи 51-й армии вскоре подошли основные силы 2-й гвардейской армии. К 22 декабря наступление немцев захлебнулось.

В создании кризисной обстановки для группы армий «Дон» имело решающее значение успешное наступление Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта на фланг и тыл армий Манштейна. Кодовое наименование операции — «Малый Сатурн». На направлении главного удара нам удалось создать двойное и даже тройное превосходство в силах, особенно в танках. 16 декабря войска Юго-Западного фронта перешли в наступление: с севера вновь созданная 1-я гвардейская армия генерала В. И. Кузнецова, с востока — 3-я гвардейская армия, командовать которой было поручено мне. Через два дня армии соединились и окружили главные силы 8-й итальянской армии и немецкую группу генерала Холлидта.

Соединения Юго-Западного фронта стремительно продвигались в направлении станиц Тацинской и Морозовской, 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова, переданный в состав 3-й гвардейской армии, за семь дней с боями прошел около двухсот сорока километров и неожиданно для противника утром 24 декабря ворвался в Тацинскую, уничтожил гарнизон, перерезал железную дорогу Лихая — Сталинград, захватил на аэродроме триста самолетов, пятьсот авиамоторов и много другой боевой техники. Первыми ворвались в станицу командир танковой роты

Последние гитлеровцы покидают город.



тельниковской группировке противника, отбросив ее остатки за Маныч.

Таким образом, все попытки гитлеровского командования деблокировать окруженную группировку провалились.

В оборонительных боях за Сталинград советские воины проявили невиданный героизм, беззаветную храбрость. Можно смело сказать, что твердыню на Волге обороняла вся страна. «По зову Родины, по зову партии пришли сюда советские люди, чтобы защитить свободу и честь своего народа, отстоять завоевания Великого Октября,— говорил Л. И. Брежнев.— Если бы в окопах Сталинграда не стояли плечом к плечу сыны России и Украины, Белоруссии и Прибалтики, Кавказа и Сибири, Казахстана и Средней Азии — не было бы сталинградской победы.

Если бы не работали дни и ночи заводы Урала и Сибири, если бы труженики колхозных полей не совершали ежедневно своего внешне как будто незаметного подвига — не было бы сталинградской победы.

Родина сделала все, чтобы герои Сталинграда с честью выполнили свой долг».

Отстояв Сталинград, Советская Армия получила возможность начать наступление не только на юге, но и на других участках советско-германского фронта. А в районе Сталинграда перед советским командованием встала задача покончить с армией Паулюса — провести операцию под кодовым названием «Кольцо».

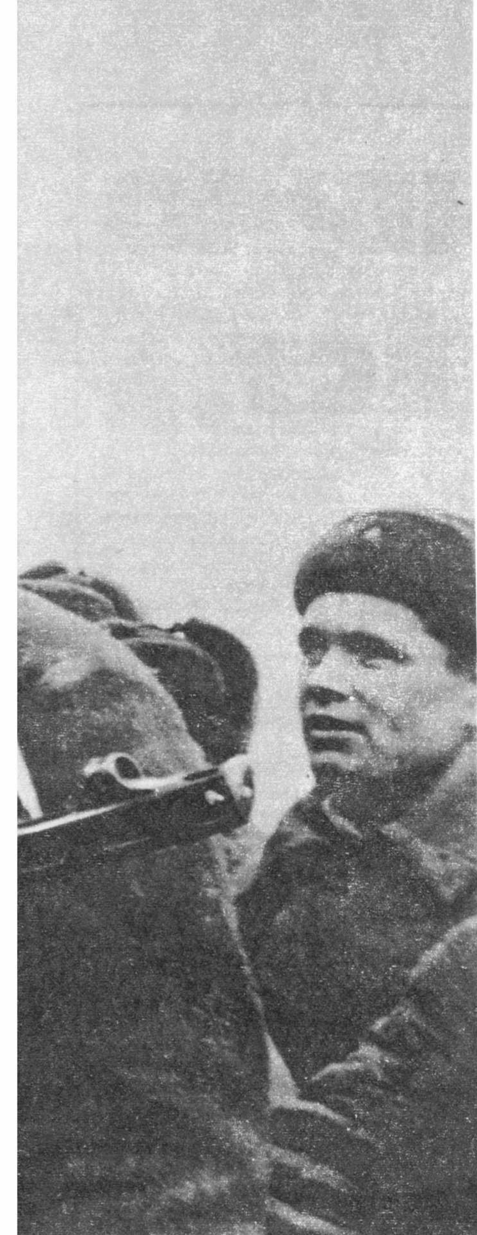


Фото О. Кнорринга

М. Е. Нечаев, а также Н. М. Рябченко, И. И. Линник, И. К. Фомин. За доблестное выполнение боевой задачи 24-й танковый корпус был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Генерал В. М. Баданов был первым в нашей армии награжден орденом Суворова II степени. По поручению Верховного Главнокомандующего я вручил этот полководческий орден В. М. Баданову прямо в бою. Позже М. Е. Нечаеву в станице Тацинской был поставлен памятник.

Гвардейский танковый полк под командованием подполковника Т. С. Позолотина в районе хутора Хлебинского встретил колонну врага на машинах. Маневр противнику был сужен, справа и слева от дороги огромные валы снега. Дерзким ударом танкисты огнем и гусеницами уничтожили десять тысяч гитлеровцев, захватили свыше полусотни орудий и минометов, много пулеметов и более двухсот автомашин. За доблестное выполнение боевого задания 17-й гвардейский танковый полк награжден орденом Красного Знамени, а подполковнику Т. С. Позолотину присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем временем 17-й танковый корпус генерала П. П. Полубоярова нанес крупное поражение танкам противника в районе Кантемировки, 2-я гвардейская и 51-я армии Сталинградского фронта перешли в решительное наступление и нанесли серьезное поражение ко-



Красное знамя реет над площадью Павших борцов.

Волгоград сегодня.



# Я ПЕСНЬ НАД БЗЫБЬЮ ПРОНЕСУ...



Иван ТАРБА

### С ПЕСНЕЙ НА УСТАХ

Я по-абхазски запою,
и отзвуки так сладки,
в ответ затянут песнь свою
в ущелье куропатки.
С вершины мчится водопад,
отважная громада,
и хлынет слез веселый град
от бури водопада.
Среди деревьев гул и гуд,
гуляет ветер в кронах,
сухие листья опадут
на каменистых склонах.
Резвится Бзыбь. И побежал
поток в ущелье горном,
он, как веревка, между скал
и теплым морем Черным.
И пенистое острие
реки летит и дышит,
и вся Абхазия ее
чудесный голос слышит.
Я песнь пою в родном краю,
в высоком горном мире,
и горы, слыша песнь мою,
расправят плечи шире.
Посторонитесь, скорбь и страх,
я с песней боевою!
А счастье я держу в руках,
как жизнь, оно со мною!
Я песнь над Бзыбью пронесу,
добра и света вестник,
пою я отчих гор красу,
умру — в горах, лишь с песней!

### СЧАСТЬЕ ЖИТЬ ЗДЕСЬ

*Энверу Капба*

Горой Мамзишха ты гордись,
над шумной Гагрой вознесенной,
коль покорить решишься высь,
придешь к вершине утомленный.
Но если одолеешь ты
величественные вершины,
увидишь горные хребты
и несравненные долины.
Гора сияет горячо,
дома под ней сверкают в дали.
О путник, поднимись еще,
там ждет Мамзишха в белой шали.
Весь мир перед тобой раскрыт —
и над землею отчей, милой
мысль вдохновенная парит
и вечно и орлинокрыло.
И юг и север мирным днем
ты ощутишь своей рукою,
но это все — в уме твоем,
все создано ума игрою.
Ладья у берега, легка,
сечет зеленые просторы;
как птицы, режут облака
под солнцем сильные моторы.
И счастье видеть наяву,
как чайку, Гагру в блеске ясном,
и счастье в том, что я живу
в моем краю, краю прекрасном.
И счастье — знать, что ты глава
большой судьбы, большого рода,
с тобою — моря синева,
горы гранит, небес свобода.

### ЖОЭКВАРА[1]

Нависают глыбы яро
над шальным речным путем.
Что ты шепчешь, Жоэквара,
беспокоишься о чем?
Отчего свои сказанья
досказать не можешь ты?
Ты умерь свои стенанья,
отвлекись от маеты.
Сделай другом, коль сумеешь,
ты меня — я вмиг приду,
ты сама не одолеешь
беспокойство и беду.
Жоэквара, дни былинны,
жизнь по-разному куем,
но у нас с тобой едины
мать Земля и отчий дом.
Мы абхазскою судьбою
навсегда обручены,
мы не где-то, мы с тобою,
мы — и явь твоя и сны.
Я мечтаю в час рассвета
ощутить у вод родных
то, что тайны иль секрета
нет меж нами никаких.
Жоэквара, ты — дорога,
ты не просто лишь река,
от древнейшего порога
Родины ты шла, легка.
Но сидит в тебе глубоко
боль, сквозь все года горя,—
предки, мучаясь жестоко,
уезжали за моря.
Берега опустошились,
нет ни хижин, ни людей,
и тоскливо волны бились
о крутые лбы камней.
И глухою тишиною
жизнь нависла над водой,
Жоэквара со скалою
лишь страдали день-деньской!
Жоэквара, бесконечно,
звонко плещешь на виду,
течь родной землею вечно
водам в радость и в беду.
Чувства наши неразрывны,
и не нынче, а всегда;
и над нами облик дивный
счастья светит, как звезда!
Голос ясный на просторе
рвется из теснин, трубя,
величаво входишь в море,
море чествует тебя!
Морю я хочу признаться
в том, что и за сто морей
вольная душа абхазца
только с Родиной своей!

[1] Жоэквара — река, которая протекает через Гагру.

### ТЫ И Я

*Э. К.*

С тобой я вместе, где б ни шел
и ни был,
глаза нахмуришь — потемнеет
небо,
тебя нет рядом — шар земной
пустой,
я одинок меж небом и землей!
Мы — свет луны и солнца свет
державный,
мы — перед скорбью и весельем
равны,
мы — жизнь в единстве вечном
без преград,
грустящие, что близится закат.
Мы ожидаем час восхода вместе,
лучи горят, как бусы на невесте,
я знаю, что такое труд и пот,
и мы защищены от всех невзгод.
Мы объединены одним
стремленьем,
одним отлаженным
сердцебиеньем,
от нежности твоей я бодр душой,
чеканим шаг мы по земле
большой.
Мы рождены под ярким небом
Апсны,
мы влюблены и оттого прекрасны,
мы жизни груз несем сквозь день,
средь тьмы,
и верим в вечность этой жизни
мы!
Мы — крепкая семья, и наша сила
в ответственности пред землею
милой,
мы так живем, чтоб дети
в добрый час,
став гражданами, были б лучше
нас!
У нас один вожак по жизни
этой —
любовь, что не однажды мной
воспета,
мы друг для друга рождены
с тобой,
едина жизнь, не делим путь
земной!
Мне небо без тебя предстанет
мутным,
а путь по жизни — тягостным
и трудным.
Я верю в завтра. Но уйдешь лишь
ты —
и мне не жить средь отчей
красоты.

### ПАРЕНЬ ЕДЕТ НА КОНЕ

Четок рокот копыт по каменным
склонам —
молодой абхазец на горячем
коне!
Он искусный наездник.
И привычным звоном
вся окрестность полнится
в тишине.
И природа, чуткий свой слух
напрягая,
ощущает, как чудо, парня
с конем,—
скачет в Бзыбском ущелье
поодаль от края,
скачет смелый наездник и ночью
и днем.
Кто же этот смельчак, сбивший
ритмы дороги,
преградивший машинам,
автобусам путь?
Для него ли здесь тракт
проложили широкий,
отчего же он скачет, не желая
свернуть?
Скачет парень отважно навстречу
машинам,
на машины взирает горделиво
с седла...
А дорога все выше и выше
к вершинам,
тень абхазца на гладь речную
легла.
Только тень играет с волной
голубою,
и река пританцовывает, звеня,
день увенчивает своей красотою
горца-юношу и молодого коня.
Седовласые горы стоят
по-солдатски,
охраняют как будто коня
с ездоком.
Горы знают: абхазец и конь
неразлучны по-братски,
горы счастливы, видя опять
их вдвоем!
А ведь всадник дорогой
взлетает, как диво,
и спокойная поступь у скакуна!
А ведь кто-то глядит на них
вроде стыдливо:
дескать, что за дикарство ноги
вдеть в стремена?!
Парень знает, что сын он
Абхазии конной,
где мужчины рождались как будто
в седле,
нет абхазца, который бы,
в скалах рожденный,
словно с другом, с конем
не прошел по земле...
Едет парень в ущелье, красивый
и строгий,
Я мечтаю, чтобы в недалекий
рассвет
молодые абхазцы по этой дороге
на конях поскакали
друг за другом вослед;
проскакали б вдоль гор, вдоль
шумящего леса
прозвучала бы песня «Азар»[2]
на всю гладь,
а иначе в эпоху машин
и прогресса
нам чего-то родного не будет
хватать!

Перевел с абхазского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

[2] «Азар» — абхазская песнь конников.

Татьяна КАРАВАЕВА

# НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ И МАТЕ ЗАЛКА

Николай Островский и Мате Залка... Сначала они познакомились заочно: на страницах журнала «Молодая гвардия». Их первые романы — «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Кометы возвращаются» (о венгерской революции 1919 года) М. Залка — начали печататься одновременно, с апрельского номера журнала за 1932 год. В этом году исполнилось 50 лет со дня их публикации.

От писательницы Анны Караваевой, в тридцатые годы ответственного редактора «Молодой гвардии», Залка не раз слышал о молодом писателе Николае Островском. Первая их встреча состоялась весной 1933 года в Сочи, где тогда жил Островский. Из Сочи Залка писал Анне Караваевой: «Я нахожусь у Николая в гостях. Зашел поговорить. Познакомились и, думаю, подружились. Хороший он мужик». Несколько позднее Залка вспоминал этот день: «Наша первая встреча с Николаем не была знакомством. Это была встреча давно знающих друг друга близких друзей, и мы с первого слова продолжали давно начатый и незаконченный разговор... Впечатление, которое произвел на меня Островский, можно назвать резко контрастным. И главным образом оно было ободряющим. То,— что Николай лежит, разбит, не видит и т. д., все это внешнее. Сущность: это силач, доблестный парень, да в нем еще чувствуется красноармеец. Он полон жадности к жизни и любви к тому, что творится вокруг».

Глубоко и верно понял Мате Залка главное в характере Николая Островского. Потому такой братской привязанностью отвечал Мате Николай Островский. В письме от 14 мая 1932 года А. А. Караваевой Островский описал одно из посещений Залки: «Вчера открывается дверь, и входит товарищ Мате. Я встретил его восклицанием: «А, кометы возвращаются!» О Мате я тебе не буду писать, ты его знаешь больше меня. Этот венгерец не может не стать мне другом... С такими ребятами даже умирать не скучно!» Как-то в беседе с друзьями Островский раскрыл суть обаяния М. Залки: «Со многими писателями беседовал я, со многими сошелся довольно близко, но, пожалуй, никто мне так не близок, как пламенный венгерец Мате... он не кривит душой и всегда режет правду в глаза. Он хороший друг и большевик. Из бесед с ним я вынес много полезного для себя, для своей творческой работы».

**Нередко навещая Островского, Залка рассказывал ему о своей полной революционной романтики жизни. Вспоминал, как в 1916 году в бою под городом Луцком, раненный, был взят русскими в плен. Хорошо помнил он и красноречинский лагерь, перевернувший всю его жизнь, сделавший его коммунистом. Часто с грустью говорил о прекрасной Венгрии, оставленной им не по своей воле и, как показало время, навсегда...**

**Николай Алексеевич под впечатлением рассказов друга решил в свой второй роман, «Рожденные бурей», ввести героя, венгерского офицера, поначалу оставив ему имя Залка. Он писал: «Дорогой Мате! Посылаю тебе отрывок из моего нового романа «Рожденные бурей», над которым я сейчас работаю. В этом отрывке фигурирует твое имя. Если ты хоть в маленькой мере возражаешь против внесения твоего имени в роман или желаешь, чтобы имя было вымышленное, то напиши мне об этом. Я сделаю как ты хочешь... Крепко жму твои руки. Твой Н. Островский».**

**Видно, Мате дал «добро», и Николай Алексеевич через некоторое время вновь пишет другу: «Твое письмо я получил давно... Итак, я этот эпизод с лейтенантом Залкой оставляю. Я хочу уточнить события...» И Островский подробно описывал сюжетные места романа, связанные с Залкой. По сюжету книги, хорошо известной миллионам читателей, бесстрашный парень Залка, разобравшись в сути революции, совершаемой народами России, сумел сплотить вокруг идеи близкого конца ненавистной войны и возвращения на родину большую группу военнопленных. Сплотить и вывести навстречу русской революции. Так все было и в жизни поручика М. Залки. Позднее Островский все же заменил имя Залка на Шайно, но образ, вдохновивший автора, остался в романе, и в отважном добродушном Шайно читатель без труда узнает писателя-воина Мате Залку.**

Дружба Мате и Николая сразу приняла деятельный характер. Залка всячески старался облегчить Островскому работу над «Рожденными бурей». Помню, как в начале тридцатых годов Мате Залка не раз бывал у Анны Александровны Караваевой на Старой Башиловке. Наша небольшая, тесноватая квартира словно становилась просторнее, когда в ней появлялся Залка, по-военному подтянутый, дышащий здоровьем и энергией.



Николай Островский.

11 декабря 1935 года Мате Залка и Анна Караваева были в числе писателей-москвичей, встречавших вагон Островского в Серпухове. Островский ехал в Москву.

Мате Залка в эти же годы трудился над своим главным романом. «Дорогой Николай,— писал Мате,— уже больше месяца я нахожусь на Украине под Полтавой. Здесь я работаю над новой книгой об империалистической войне под названием «Добердо».

Остаток тридцать пятого и половину тридцать шестого писатели работали крайне напряженно, словно чувствовали, что жизненного времени у них в обрез. Островский успел отредактировать первую книгу «Рожденных бурей», увидеть (руками!) экземпляры «Как закалялась сталь», выпущенной национальными издательствами страны, узнать о первых переводах романа на японский, английский, чешский и голландский языки, чему, конечно, был несказанно рад. М. Залка сумел закончить «Добердо», но, так и не увидев роман напечатанным, осенью... исчез из Москвы. Когда Залка был уже в Испании, к Островским зашла В. И. Залка — передать привет от мужа и справиться о здоровье Николая. Как бы вскользь она заметила, что Мате на Дальнем Востоке. «А я уверен, что Мате на дальнем юге»,— поправил Веру Ивановну Николай Алексеевич.



Мате Залка.

В Испании Залка быстро нашел применение своему богатому военному опыту, помноженному на святую ненависть к фашизму. В трудных условиях непрерывных боев с франкистами, в сжатые сроки Залка — генерал Лукач сформировал действительно интернациональную бригаду, в которой плечом к плечу сражались за правое дело венгры и чехи, французы, русские и немцы. В боях за Университетский городок, у Каса дель Кампо, при Гвадалахаре бригада не знала поражений...

В конце декабря 1936 года в Испанию пришла скорбная весть. Генерал Лукач собрал бойцов и офицеров. Молча вступил он в круг танкистов, вынул из кармана газету «Требалл», орган объединенной социалистической партии Каталонии, и прочел: «Умер пролетарский писатель Николай Островский. Объединенная социалистическая молодежь Каталонии выражает советской молодежи свою искреннюю скорбь по поводу смерти ее друга, бойца, писателя, человека, чья прекрасная жизнь была чудесным образцом мужества и воли». Генерал обнажил голову, все последовали его примеру.

Он нужен был здесь, на испанской земле, объятой пламенем гражданской войны,— роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Не однажды сильно потрепанная, со следами «ранений», книга Н. Островского «сопровождала» бойцов-антифашистов в боях: ее можно было видеть в боевых машинах танкистов и летчиков, ее читали вслух в редкие минуты отдыха между жестокими сражениями. Роман советского писателя вселял в людей мужество, закалял волю.

Генерал Лукач был поистине героическим человеком и всегда, презирая смерть, шел навстречу врагу. Так поступил он и 11 июня 1937 года, отправляясь в инспекционную поездку вокруг города Уэска... Жизнь смелого воина оборвал снаряд...

С тех пор прошло без малого полстолетия, но бессмертная память о выдающихся сыновьях советского и венгерского народов — Н. Островском и Мате Залке по-прежнему служит благородным, вдохновляющим примером для всех мужественных и закаленных поборников справедливости, свободы и мира.

# МАРИ ЛУГОВАЯ

**Юрий КОЗЛОВ,**
**фото Геннадия КОПОСОВА,**
**специальные корреспонденты «Огонька»**

Пасека и дом пчеловода Василия Никитича Дерянина изумляли аккуратностью и чистотой. Пол в доме от мытья и скобления был белым. В сарайчике, где выкачивался мед, царил такой же порядок. Ульи стояли между липами. Липы цвели, и запах меда витал над пасекой. И сам воздух, теплый, пронизанный солнцем, казался медом.

Бывают на земле места, как бы отмеченные природой,— так все там красиво и гармонично. Гармония, правда, бывает разной. Есть холодное, безжизненное сияние ледяных вершин, хоть и влекущее к себе отважных, но все же затрагивающее лишь воображение. А есть живые, теплые уголки, как бы данные человеку в награду именно для земной жизни, словно кто-то заранее так здесь все распланировал, украсил и устроил, что человеку только и остается жить да радоваться. Именно к таким уголкам относится марийское село Мари Луговая, окнами своими глядящее с высокого обрывистого берега на Волгу, на проплывающие суда и баржи, на длинные, точно отхваченные от берега гигантскими ножницами, зеленые острова. Река издавна снабжала местных жителей рыбой, а острова и окрестные луга доставляли прекрасное сочное сено, так что даже в самые голодные годы здесь концы с концами сводили.

Сейчас времена другие. И проблемы, стоящие перед здешним сельским хозяйством, с одной стороны, те же, что и в большинстве районов Нечерноземья, а с другой — несколько иные.

Мед, хмель, животноводство — давние отрасли сельского хозяйства Марийской АССР. Совхоз имени Ленина Звениговского района (на его территории, кроме Мари Луговой, находятся еще шесть сел и деревень) как раз и занимается выращиванием хмеля и животноводством. Здесь производят примерно сорок процентов марийского хмеля. И поголовье скота немалое — тысяча семьсот голов. На всех фермах давно введена двухсменка, а в хмелеводстве — звеньевой принцип. Одним словом, крепкое хозяйство.

Директору, Виталию Исаеву, тридцать шесть лет. По национальности он чуваш, родом из Татарии, а говорить может и по-башкирски, и по-марийски, и, естественно, по-русски. Исаев считает, что без знания всех этих языков худо бы пришлось ему, такое здесь смешение людей разных национальностей. Директорствует он уже три года, а до него директора сменялись один за другим.

— Собственно, начал я свое директорство с того,— сказал он,— что всегда выполнял свои обещания. Если говорил: «Будет так!», то слово держал. И, вот, казалось бы, такая простая вещь, а дело сдвинулось, люди стали работать куда с большей заинтересованностью.

Раньше нередко вспыхивали тут ссоры из-за островов, из-за участков — где косить? И прежние директора занимались не столько делами совхоза, сколько разбором жалоб и обид. У Исаева все поставлено четко. Каждый знает, где ему косить и сколько. В результате управляться стали с сенокосом значительно быстрее. И совхозный и личный скот теперь обеспечивается кормами без хлопот.

Исаев утверждает, что уже сейчас на положении совхоза начинают сказываться меры по реализации Продовольственной программы, хотя времени прошло немного. Во-первых, легче стало иметь дело с обслуживающими организациями — «Сельхозтехникой», «Сельхозхимией», Минводхозом... В своих взаимоотношениях с ними совхоз раньше зачастую оказывался бесправным, теперь нет. Во-вторых, развернулось огромное строительство, которого здесь еще не знали. Только в этом году надо освоить полтора миллиона рублей. Строится школа на шестьсот двадцать четыре места, восемнадцатиквартирный дом, водонапорная башня, котельная, ферма... Всего и не перечислишь. Давно была у Исаева мечта перестроить хозяйство по цеховому принципу. Сделать так, чтобы не управляющие отделениями — хозяйственники и администраторы— имели решающий голос, а главные специалисты. Уже создан и действует в совхозе цех хмелеводства. На очереди цеха животноводства и механизации. Особенно важным считает Исаев именно цех механизации, чтобы у всей техники было единое руководство. Пока проделана только первая половина работы — вся техника собрана в одно место. Предстоит найти подходящего главного специалиста. А это уже проблема — где взять грамотные кадры? В Марийской АССР вопрос этот стоит достаточно остро. Исаев сетует: теперь есть возможности развернуться, но нет достаточного числа специалистов, чтобы опереться на них как на единомышленников...

Ко всему уже сказанному необходимо добавить дорожное строительство,— в дождь дороги здесь становятся совершенно непроезжими. А строить надо комплексно! В совхозе имени Ленина до сих пор нет нового здания конторы, Дома культуры. Документы на строительство есть, а Дома культуры нет, потому что сметная стоимость в проекте завышена. «Но что же делать? — сказал по этому поводу Исаев. — Нам нужен хороший клуб, а не еще один сарай!»

...Под вечер, когда красное солнце тонет в Волге, жизнь на реке заметно убыстряется. Туда-сюда снуют моторные лодки—кто едет на рыбалку, а кто возвращается с сенокоса, на небольших паромах перевозят с островов или на острова технику. Что и говорить, когда село стоит на реке, жизнь его в вечерние часы приобретает особенную прелесть. Мари Луговую с не меньшим успехом можно было бы назвать Мари Речная. Хотя, впрочем, река и луг — понятия в чем-то родственные. Луговые марийцы — прежде так называлась тут целая этническая группа.

А где луга — там пчелы, пасеки, мед. Вместе с Зиновием Алексеевичем Кудрявцевым, управляющим Звениговским отделением республиканского пчелосовхоза «Мюкш», мы побывали почти на всех пасеках отделения. Прошлый год был не очень удачным для пчеловодов. Нынче дела идут неплохо.

Запомнились две пасеки. Первая, где работают пчеловод с необычным именем Амур и его жена Мария Егоровна. Семейная пасека Тойгильдиных состоит из ста пятидесяти ульев. Амур — пчеловод в третьем поколении, учился этому делу у своего деда. Он многое повидал в жизни и пришел к выводу, что тишина, природа и труд на свежем воздухе — самое подходящее для человека дело. Когда-то Амур окончил музыкальное училище по классу народных инструментов. До сих пор играет. В такие минуты ему кажется, что ничего больше от жизни ему и не надо, что он вполне счастлив...

Мед в республике сейчас в основном получают липовый. Раньше был и гречишный, но с тех пор, как гречишные поля стали обрабатывать химикатами, в том числе аммиачной водой, пчелы не очень охотно летят сюда. Мы проезжали огромные зеленые пространства, над которыми не летали ни пчелы, ни какие другие насекомые. Поля эти, несмотря на буйную зелень, казались неживыми.

И еще одна проблема: не очень охотно в пчеловоды идет молодежь. Большинство пасек находится в глухих местах, электричество подведено не всюду, а труд сложный. Пока обходятся старыми кадрами, но ведь надо думать о завтрашнем дне. Тут, говорят, есть два пути. Или создать на отдаленных пасеках все удобства, или же попытаться перейти к крупным хозяйствам на манер знаменитого «Пчелограда». А то ведь до смешного доходит. Премировали однажды пчеловодов телевизорами «Юность», а смотреть их на пасеках нельзя! На одних электричества нет, на других ни одна программа не принимается!

Мы побывали на пасеке, где работал Василий Никитич Дерянин, с которого, собственно, и начался наш рассказ о марийском крае. Несколько лет назад у Василия Никитича умерла жена, он остался один с тремя дочерьми. Но как-то пересилил человек горе, не пустил все на самотек. Василий Никитич сказал, что помогла ему работа. Сейчас его пасека одна из лучших. А дочери — кто уже замужем, кто учится в институте.

Глядя на Василия Никитича, я вспомнил еще одну встречу в совхозе имени Ленина — с двумя механизаторами отцом и сыном Дубовниковыми. Отец — Николай Дубовников работает в совхозе много лет. Сын, Владимир, недавно вернулся из армии, служил на Дальнем Востоке и теперь тоже трудится в совхозе. Оба они охотно отвечали на вопросы, но чувствовалось: в душе-то недоумевают — ну что, мол, здесь такого? Отец работает на земле, и сын вернулся, чтобы работать на земле. Как иначе? Мне тогда припомнился не столь давний разговор с писателем и публицистом Иваном Васильевым, который говорил: «Вот, допустим, резко сходит на нет сейчас лен. В газетах, журналах ставят вопрос: «Что стало со льном?» А мне кажется, надо ставить вопрос по-другому: «Что стало с льноводом? Почему он поставлен в такие условия, что невыгодно ему работать? По чьей вине это произошло?»

Глядя на отца и сына Дубовниковых, я подумал, что здесь задавать вопрос, что́ стало с механизаторами, не надо. Так же, как не надо задавать вопрос, что стало с пчеловодами. Они работают хорошо. Но вопросы эти тем не менее как бы парят в воздухе. И чем скорее будут осуществляться на марийской земле преобразования, о которых речь шла выше, тем больше гарантий, что кто-то когда-нибудь не спросит: «А что стало с Мари Луговой?»

**Утренняя планерка в штабе строителей * На одном из строительных объектов.**

**НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Лида Кольцова — хореограф сельского Дома культуры * База отдыха на реке * Механизаторы отец и сын Дубовниковы.**





# КНИГА ОБ ОТЦЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

### КАТЕРИНА

У Катерины Власьевны было время думать и вспоминать. Она лежала в палате, подключенная проводами к аппаратам, поддерживающим жизнь. Врачи сказали, что кризис миновал. Сегодня ей впервые принесли передачу — три алые розы, первые розы этой весны, выращенные Николаем. Он совсем помешался на розах, уйдя на пенсию, они ему танки заменили. Записки от него, от Инны, от внука лежали тут же на тумбочке: добрый знак — в самом деле пошло на поправку.

Она побывала на «том свете», во всяком случае, ей так казалось. После острой, нестерпимой боли в сердце внезапно стало легко, и возникли необычайные видения — наплывы лиц, незнакомых, таинственных, то ли мужских, то ли женских, с развевающимися волосами, с колеблющимися многоцветными головными уборами, похожими то ли на колпаки, то ли на ореолы, сплетения ветвей на жгучей небесной синеве; и звуки музыки, щемящие, нежные, и полет, полет вверх-вниз, вверх-вниз... Открыла глаза. Она слышала голоса врачей и сестер, не вслушиваясь в смысл, наслаждалась удивительным покоем и тишиной внутри себя; она как бы отошла от своего тела, но недалеко, и витала над ним в сладкой истоме, ни о чем не думая, никого не вспоминая. Когда она увидела над собой три напряженно-восторженных незнакомых лица, первым чувством ее было разочарование — зачем помешали; ей словно не хотелось возвращаться в привычный мир, она сердилась, что побеспокоили, прервали наслаждение.

Но уже через минуту она остро вспомнила всех своих любимых людей, забеспокоилась, где они, как переживают ее болезнь. Первая мысль была о внуке — мысль нервная, тревожная: как он учится? Чепуха, глупость, чушь — человек, можно сказать, умирает и в такую минуту почему-то не думает о высоком, а беспокоится о мальчишке, который все равно будет учиться, как ему самому надо, а не как хочется умирающей бабушке. Все же она думала о нем. Его мордаха, смеющаяся и лукавая, стояла перед глазами. Вот возникло лицо Инны, и лишь после нее Катерина подумала о Николае.

Ей стало стыдно, что она подумала о нем после других. Ведь наверняка же ни Инна, ни внук не стоят за белой дверью, а стоит он. Растерянный. Хорошо бы еще раз посмотреть на его растерянность. Всю жизнь прожила с ним — растерянность увидала лишь несколько дней назад,— а сколько же дней прошло с тех пор? — когда неожиданно упала, сраженная сердечной болью. Каких только ситуаций не было в его жизни — он никогда не терялся, во всяком случае, она не наблюдала: ни когда остановили выпуск машины, ни когда пришла война, ни когда снова остановили машину, ни когда уходил на пенсию, в общем-то еще полный сил и желания работать. Растерянность его, пусть минутную, но сильную, она увидела тогда сквозь непереносимую боль и поразилась. Значит... Да, да, значит, он любит ее так верно, так неопровержимо, значит, любит ее сильней себя, сильней машины, к которой она давно уже перестала его ревновать... Она потеряла сознание, и, когда оно к ней вернулось, первая мысль опять была о внуке.

— Николай Сергеевич может войти,— то ли спросила, то ли сказала женщина в белом халате.

Он вошел, пробыл три минуты, успел сообщить все, что могло быть интересным: обыкновенные, приятные слова — все ее любят, посылают приветы, ждут выздоровления, и у всех все хорошо.

Она смотрела на него обычным взглядом жены, хозяйки, властительницы, хотя власть ее была особенная — мягкая, еле заметная, непритязательная. Она увидела грязноватый воротничок, неглаженые брюки, заметила, что он похудел — конечно, ему не вредно похудеть,— но все эти признаки словно говорили, что без нее плохо, нужно выздоравливать. За долгую жизнь они устали друг от друга, надоели и все же перед лицом неожиданного испытания оба вдруг поняли, как нужны друг другу.

Было в ее взгляде нечто, к нему отношения не имеющее, однако к нему обращенное, уверенное ощущение пережитого как некоего нового богатства в душе. Она прошла сквозь призрак смерти одна, и ей, лишь ей теперь принадлежало определенное знание, недоступное ему.

— Я что-то стала часто болеть,— сказала она,— пора меня списывать: муж любит жену здоровую.

Он осторожно коснулся ее руки:

— Все будет хорошо. Я люблю тебя, Рыжик.

Ей захотелось плакать от милого прозвища, оставшегося с первой встречи до сего дня.

— Долой сантименты! — громко сказала она здоровым голосом, так ей казалось — на самом-то деле она еле шептала.— Кто тебе готовит?

— За эту честь борются трое: Инка, «графиня» и я сам.

— Попроси Татьяну подольше не уезжать домой, пожить с тобою.

Он ответил шуткой — она улыбнулась. Свидание окончено.

Она утомилась, закрыла глаза, и прожитая жизнь стала развертываться перед нею длинной цветной лентой.

Юную блондинку с пышной копной волос и лучистыми глазами заметили на заводе с первого дня.

— Крашеная,— утверждали женщины.

— Очень уж надменный вид,— замечали женщины.

— Слишком полная фигура для своих лет,— подмечали женщины.

«Какой естественный цвет волос»,— подумал Векшин, знавший толк в женской красоте.

«Какое милое выражение лица»,— обернулся молодой инженер, столкнувшийся с нею в проходной.

«Вот это девка, любо-дорого взглянуть»,— мелькнуло в голове у рабочего-сварщика, когда она подошла спросить о чем-то.

Николая Кочерно она увидела много позже того, как он увидел ее. В сущности, ей незачем было смотреть на кого бы то ни было — она явилась сюда на практику и с трудом справлялась с нею. Будучи девушкой ультрасовременной, Катерина пошла учиться в экономический институт, хотя в самодеятельности успевала куда больше, чем в экономике.

У Николая не было сомнения, что мимо нее не пройти. И он подошел, когда она разговаривала с начальником цеха. Она, не взглянув на него, ушла — ее разговор был окончен. Вторая попытка оказалась тоже неудачной. Спросил у нее, который час. Ответила и прошла.

Сотрудница КБ Татьяна Углова по субботам устраивала чаи с избранной публикой. У нее бывали знаменитые актеры из городского театра, гастролеры из Москвы заглядывали на огонек. Каждый раз накануне вечеринки Татьяна неизменно зазывала к себе Кочерно, а он считал, что идти к этой мелкобуржуазной дамочке стыдно. Кто бы объяснил Кочерно, почему это вдруг он ни с того ни с сего в этот вечер, выйдя из ворот завода, повернул не в сторону дома, где снимал комнату, а в сторону Татьяниной квартиры? Он ведь не знал, что там будет Катя.

Опомниться не успела, как он переехал в их маленькую квартирку, только что полученную Власием Саввичем за самоотверженный поварской труд. Устинья Лаврентьевна с первого взгляда полюбила его.

— И учти,— сказал он Катерине,— ты моя — навсегда.

Закрученная вихрем его чувств, она приготовилась было на всю жизнь быть ежеминутно опекаемой и ежесекундно обласканной. Но через неделю после того, как он переехал, случилось нечто: за весь день ни разу не зашел к ней в цех, а вечером не явился домой — не пришел ночевать!

Они с матерью не спали всю ночь. Утром она ушла в цех, опухшая от слез. Устинья Лаврентьевна отправилась за хлебом и встретила Рину Холодову, та сказала, что Андрей тоже не ночевал — там, в КБ, какое-то ЧП. Они оба часто ночуют на заводе. Она привыкла, и вообще, когда ЧП, и Андрей и Николай забывают обо всем на свете.

Катерина довольно легко привыкла к тому, что Николай время от времени не приходит домой ночевать. Привыкла она также не видеть его целыми днями. Привыкла ходить в кино и театры с Таней Угловой, которая была мелкой сошкой в КБ и могла не перерабатывать, как начальство.

Татьяна стала для Катерины незаменимым человеком, зная «все», что происходит у Николая на работе.

Если бы вы спросили тогда Катерину, любит ли она Николая, она бы затруднилась ответить утвердительно — любовь, по ее мнению, почерпнутому из скверных фильмов и случайных книжек, была чем-то необычайно ярким и сладостным, таинственным и необычным, с цветами, страданиями, взрывами чувств и лебедиными песнями наслаждений. А тут бесконечное доставание продуктов — у него такой аппетит, вечером поедает все, что ни поставь ему под руку. Не видишь его по целым неделям, придет — смотрит виновато, хотя она знает от Татьяны — ни на секунду не удалился он из КБ, никого у него там на стороне нет и быть не может. Радостно соглашается пойти с нею в субботу на «Евгения Онегина»: гастролер из Москвы приехал — сам Лемешев! Она нарядится на зависть. А он пришлет какого-то юнца с завода сказать, чтобы сама в театр ехала, там, дескать, встретимся.

Там ждет. Примчится после третьего звонка. Сядут — увертюра началась. Она повернется к нему — спит, голову склонил и вот-вот храпеть начнет.

Она было и слезу собралась ему показать и весь характер строптивый, да мать ее мудрая тут как тут. Посадила против себя, говорит:

— Тебе судьба счастье дала. Человек — золото. Талант. Верный человек. Посмотри, как люди к нему льнут. Его насквозь видно. Ты

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41—45.

Мари Луговая * Волжский пейзаж.

что, хотела бездельника или болтуна под бок положить? Он, может, герой века будет. Его широкую грудь, может, орденами увешают!

Сказала — как в воду глядела.

И еще. Встретился как-то ей на улице сам Векшин. Ей даже показалось на миг, что не встретился, а поджидал ее нарочно. Впрочем, женщины вообще склонны преувеличивать производимое ими впечатление. Векшин был едва знаком с нею, она его стеснялась — он много старше ее и Николая и вообще человек серьезный, весь погруженный в дело. А все же показалось...

Шла Катерина с Векшиным по мягкому декабрьскому снегу, слушала:

— Берегите Николая. Он и Андрей — редкого дара люди. Им предстоит дело поднимать. Я знаю, вы молоды, красивы. Очень красивы. Хочется погулять, повеселиться. А он все работает. Попробуйте думать, что вы жена великого человека. Это поможет правильно понимать Николая. Холодовы, по-моему, давно уже живут по такому принципу.

Жена великого человека... Легко ли сразу сказать себе такое и облегчить этим жизнь? Да сразу и не скажешь, и самой себе не поверишь. Однако, черт возьми, приятная какая мысль: она жена великого человека. Как Анна Григорьевна Достоевская. Катерина читала о самоотверженности этой женщины.

Жена великого человека. И только-то? В наше великое время!

— Какая у него должна быть жена, чтобы жить с таким человеком?

— О, она тоже особенная!

Танки не интересовали Катерину. Она ровно ничего в них не понимала. Достаточно того, что раз и навсегда поняла их необходимость. Благополучно окончив институт, Катерина несколько лет поработала экономистом и, родив девочку, осела дома. Однако девочка подросла, и Катерина начала ходить в заводской клуб на репетиции драматического коллектива. Через год она, как режиссер, показала заводу свой спектакль, неизвестную чеховскую пьесу,— нашумела. Еще бы — в пьесе пять женщин, одна другой краше, любят одного мужчину. Страсти вавилонские, слезы, объяснения, и, наконец, выстрел одной из дам в инфернального героя и смерть его.

На спектакль с названием «Без названья» ломился весь город, даже в столице о нем кое-где поговаривали.

Катя щедро разделила женские роли, взяв себе самую тихую — роль жены героя. И весь спектакль был хорош, когда бы главный герой, Платонов, был на месте. А то за неимением лучшего актера пришлось взять одного инженера, который был и собой дурен и талантом не вышел. Трудно верилось, что так уж в него все повлюблялись.

— Ты бы не пожалела своего Николая, на главную роль взяла, тогда бы все на места встало! — сказала Катерине вредная бабенка.

«Да уж,— подумали кто слышал,— Кочерно в этой пьесе как раз на месте. Герой-любовник».

Незадолго до смерти Векшина пришла к Катерине жена его Ирина Петровна, женщина немолодая, суховатая, строгая.

— Илья Матвеевич просит прийти,— сказала она.— Ему осталось недолго.

Катерина пошла. Векшин лежал в чистоте. Все вокруг сверкало, блестело, все было празднично, будто не смерть стучит в дом, а праздник. Нигде Катерина не видала такой ослепительной чистоты. Обычно, если в доме тяжелобольной человек, все нервно подчинено ему. Близким не до порядка. Ирина Петровна была иного мнения:

— Илья не должен чувствовать смерти. Пусть знает, он знает, как же не знать, вон он какой умный, а все же чувствовать не должен. Поддерживаю в нем надежду.

Чертежная доска была укреплена перед самым лицом Векшина, он что-то чистил ластиком, отстранялся, смотрел, снова чистил.

— Умирая, не сдаюсь! — сказал он, улыбаясь, Катерине.— Знаете, зачем я вас позвал? Хочется перед смертью посмотреть на красивое женское лицо.

Катерина испуганно оглянулась — жены близко не было.

Они заговорили о пьесе «Без названья». Илья Матвеевич заставил Катю подробно рассказать содержание. Она увлеклась. Оба смеялись, перебивали друг друга.

Они так смеялись, так радовались внезапному взаимному узнаванию, что трудно было Кате поверить в тяжелую болезнь Векшина, невозможно представить, что человек, такой веселый, искрометно-умный, такой необыкновенный, не сегодня — завтра будет лежать в гробу. Она знала: он усугубил болезнь, когда возил образцы машин в Москву; знала: он вел себя как герой. Он добрый гений последних лет и для Николая и для Андрея. Но сейчас, здесь, она знала также, что поздно, слишком поздно пришла к нему, так много дней и часов потеряно порознь, хотя неизвестно, во что могло бы вылиться это «вместе». Она чувствовала: нравится ему, понимала: приятно Векшину не скрывать этого. Еще понимала, что позвал он ее неожиданно для себя, хотя, наверно, с первой встречи думал о ней.

— Дайте мне руку, Катя! — Векшин прервал веселый разговор.— Прошу вас, если я умру — никогда не изменяйте Николаю. Учтите — измените двоим.

— А если останетесь жить? — спросила Катя.

Молчание.

— Если останусь,— он сморщился, как будто мысль остаться жить была ему неприятна,— буду начальником вашего мужа. Суровым начальником. Поблажки не дам!

В любом другом случае она могла обидеться. Рука ее нетерпеливо шевельнулась в его влажной ладони. Он мягко сказал:

— Мы делаем великое дело — ничто не должно нас разъединить. Прощайте!

В коридоре Катя уткнулась лицом в грудь его жены и тихо заплакала.

— Ничего, ничего,— безучастно повторяла Ирина Петровна,— ничего...

Она засыпала, просыпалась, снова засыпала. В окне над нею темнота сменялась белизною, облака — голубым небом, луна — солнцем. Шли дни, она не знала им счета, но каждый день давал ей новые силы. Она верила, что медленно выздоравливает. Приходил Николай. Прибегала Инна. Приплывала «графиня».

Порой ей виделись давно забытые картины эвакуации, когда семья тряслась в теплушке, а на ее обязанности лежала ответственность за всех детей эшелона.

То оказывалась она на крыше дома, где дежурила в первые дни войны, сбрасывала горящие бомбы-зажигалки.

А вот идет она по уральскому заснеженному поселку. Встречные женщины переглядываются:

— Кочерниха пошла! Ишь какая! Гордая! А пальто-то на ней, пальто какое!

Пальто и в самом деле — чудо из чудес, сшитое собственными руками из верблюжьего одеяла. Хлопотливая Устинья Лаврентьевна умудрилась затолкать одеяло в мешок, когда собиралась в эвакуацию, и права была — пальто клетчатое, яркое.

Вспоминала Катерина свою мать, Устинью Лаврентьевну, которая умерла внезапно, легко, не обременяя никого. Как жила — умерла. Рану в душе дочери оставила: сколько лет прошло, а по сей день клянет себя. Ни разу у матери ничего не болело, ни к каким врачам не ходила, а почему не настояла, не заставила мать провериться, полечиться? Жизнь без матери совсем другая пошла, как будто краски мира померкли — скучно стало.

Вспоминала, как работала в клубе, уже не пьесу «Без названья» ставила, а интермедии: «Мы врагов, врагов погоним» и «Скоро Гитлеру капут». Пьески были одна другой слабее, материал для работы, как говорится, никудышный, а сила воздействия на заводские массы огромная. Первый раз, как вышел на сцену Гитлер, да как разорвал на нем штаны до голой задницы наш солдат — обоих женщины играли,— так весь зал стоя рукоплескал. Потом той девушке, что Гитлера играла, долго проходу не было:

— Ах ты Гитлер, Гитлеру капут!

Режиссер с золотыми волосами, Кочерно Катерина, кланяться выходила раз пять.

Вспоминала день, когда первые танки пошли на фронт. Она утром с девочкой на улицу вышла. Устинья Лаврентьевна в доме осталась — готовилась к вечеру:

— Сегодня, может, Колечка придет. Радость — «эклеры» испеку.

Да уж и вправду «эклеры» — обменяла она целую лисицу черно-бурую с мордой и четырьмя лапами, шелком подшитую, на килограмм муки, кусочек масла, пяток яиц и полбанки патоки. Было у нее и ванилина немного.

Стоит Катерина в толпе. Холодно. Руки отморожены со студенческих лет, когда их всем курсом на уборку картошки посылали.

Стоит Катерина с девочкой, долго стоит, но вот наконец рокот слышен. Пошли. Она у дома своего стояла, а дом от завода в километре был. Первый танк прошел. Катерина ему вслед смотрит и плачет, плачет почему-то. Какая-то женщина вслед первому танку кинулась, кричит:

— Победа! Победа!

Какая победа в сорок втором?

Упала. Похоронки ей, говорят, пришли на двоих сыновей. Она умом повредилась. Вот второй танк пошел, а из второго знакомое лицо виднеется. Николай. Катерина крикнуть хочет — не может, слезы мешают. Инна увидела отца.

— Папочка! — кричит.— Папка!

И за танком бежать. Еле успела Катерина схватить ее. Она рвется, рвется.

— Пусти! — кричит. — Папку увозят!

Тем вечером, когда Николай пришел, он застал Катерину за делом — лепешки из картофельных очисток пекла. Мать свои «эклеры» на стол выносила. Хлопочут они, накладывают в тарелки.

— Неси,— говорит Устинья Лаврентьевна,— он голодный, неси.

Она внесла в комнату, а он спит над столом. Голову опустил — спит. Она смотрит, такой он красивый спящий, как бог — Зевс-громовержец...

Вспоминала, как писатель Монистов в поселке объявился, когда весть о первом лауреатстве пришла. Ходил, расспрашивал, записывал. У Векшиной побывал. Векшину с девочками Николай первым же эшелоном на Урал увез. В доме Кочерно Монистов Устиньей Лаврентьевной заинтересовался. Оказалось, они из одних мест. Оба знавали некоего графа Хмельницкого. А потом был вечер в клубе в честь награжденных, где снова показывали пьесы «Мы врагов, врагов погоним» и «Скоро Гитлеру капут». После вечера тесный круг начальства и награжденных с женами. Застолье за кулисами. Танцы на сцене. Тогда-то всех затмила Катерина в лимонного цвета крепдешиновом платье с синими цветами по подолу. Она танцевала с Монистовым фокстрот и слушала его разговоры про режиссерский талант, такую редкость у женщин. На нее бросали косые взгляды. Спохватясь, взглянула на Николая. Он смотрел так ласково, так восторженно, что ей стало стыдно каких-то своих полумыслей.

«Великий режиссер» легко уступил законное место жене великого человека. С тех пор Катерина не ставила пьес. Она занялась домом, девочкой, проблемами «графини» Тани, получившей похоронку, и, конечно же, Николаем, его завтраками и ужинами, его воротничками, его брюками и пиджаками, его ботинками сорок восьмого размера. Кто из женщин замужем за великаном — знает, какая нелегкая работа прилично одеть его.

Кончилась война. Прошел слух — правда, нет ли: то ли Холодова, то ли Кочерно в Москву забирают.

Москва... Заманчиво, непонятно. О Москве хочется думать.

Слух об отъезде повитал, повитал и погас. А месяца через два поздним вечером Николай, вернувшийся с работы неожиданно рано, отужинал и равнодушно сообщил новость:

— С осени мы будем жить в Москве, на Первой Мещанской улице, извини, названья лучше не нашлось. Квартира отдельная. Все удобства.

Маленький полукруглый балкончик — этакая раковина, если смотреть снизу, вдвоем на нем не поместишься, но кастрюль с едой можно наставить. Она выходит на балкон, осторожно, чтобы не опрокинуть кастрюли, становится, смотрит вдаль. Перед нею широкая улица, высокие каменные дома. Их дом стоит у поворота в переулок, и ночью ее часто будит шум

машины, выходящей на поворот. Она здесь недавно, а кажется — вечность. После маленького заводского поселка, где все друг друга знают и любят-не любят, здесь холодно и пустынно. Знакомых почти нет. Соседи неприветливы. А какие приветливы — все же не приближаются. Видно, правы были те, кто предрекал: «Москва прищемит ей хвост». После шума и тепла уральского дома — тишина и прохлада узких неуютных темноватых комнат, до сих пор набитых неоткрытыми чемоданами. У нее апатия. Она не может заставить себя взяться за хозяйство.

Немногим лучше чувствует себя и Николай, хотя он не изменил режима — в шесть из дома на работу, около часу ночи возвращение домой. Как проходит его жизнь там, в министерстве, в новой для него обстановке с новыми людьми, Катерина не знает и знать не может. Но, если судить по его настроению — лучшее время жизни Николая также осталось на улочках уральского заводского поселка.

Однажды пришел домой счастливый — наутро срочно нужно лететь к Холодову, помогать ему оседать на новом, вернее, на старом месте: в родном городе.

— Поехали со мной! — предложил ей.

Она вспыхнула, загорелась и погасла — девочку не с кем оставить. Вернувшийся от Холодова Николай был снова весел, полон жизни. Он привез Катерине письма, посылочки. Кто-то из подружек ухитрился сварить варенье из крыжовника, которое Катерина любила больше всего на свете.

Она одна опустошала банку и плакала о том, что жизнь ее кончилась, лучшие годы позади. За окнами шумел и переливался самый интересный, самый бурный, самый загадочный и необыкновенный город — Москва.

Вот неожиданность — то ли радоваться, то ли пугаться. Без звонка и предупреждения четырнадцать ребятишек вместе с бабкой Ритой явились в Москву с Пихтовой горы и нагрянули в квартиру Кочерно. Это был первый опыт будущего повального туризма: купили билеты, сели в поезд, а в Москве, говорят, у Кочерно квартира огромная — все поместимся. Обрадовавшись и испугавшись, Катерина ожила.

Вечером все вместе пошли смотреть иллюминацию — надвигались октябрьские праздники. Кочерно был наверху блаженства. Прохладный дом сразу наполнился жизнью. Дети вставали рано, убегали на экскурсии. Катерина готовила, ждала их. В Третьяковскую галерею пошли все вместе.

Ах, какое это было чудо! Три месяца в Москве, и ни разу до сих пор не побывать там? Нет, нет, пора начинать новую жизнь! Она долго стояла перед «Лунной ночью» Крамского, и в этой женщине, сидящей на скамье среди пышных деревьев парка, видела свое настроение, свою опустошенность, свое потерянное прошлое. Позднее она с удивлением прочитает в какой-то искусствоведческой книжке, что «Лунная ночь» — произведение слабое, сентиментальное и претенциозное. Как хорошо, что она всего этого не почувствовала!

Дети ликовали. Москва открывалась им, как чудо, сказочное царство. Чудом были вечера вокруг Отца, когда, перебивая друг друга, дети делились впечатлениями.

Пять дней пролетели быстро. И вот уже поезд, провожание, прощание.

После отъезда детей Катерина почувствовала себя в Москве более уверенно и смело.

Катерине Власьевне разрешили ходить по палате и даже, если чувствует в себе силы, выходить в коридор. Николай обещал ей прислать Виктора. Он вот уже месяц под Москвой на испытаниях. Она ждала Виктора нетерпеливо. С тех пор, как Татьяна на пути в Москву разъехалась с семьей Кочерно, Катерина потеряла источник информации. Это затрудняло ей жизнь. Почему он раздражен? Если бы она знала, как прежде, причину, не стоило большого труда остроумно отвлечь его. Но теперь она ровно ничего не знала о делах Николая. В сущности, она ничего не знала и прежде, ибо Татьянина информация носила, как правило, узкобытовой характер. Но лучше это, чем ничего. Иногда Катерина впадала в глубокое уныние.

— Что связывает меня и его? Общего дела нет. Интересы полярно противоположные. Ребенок? Да он его и не знает, своего ребенка. Увидел на стуле лифчик, забытый Инной.

— Ты стала разбрасывать тайные подробности.

— Это не мое, Луськино.

Искренне удивился.

— Да ей пятнадцать лет, дорогой, оглянуться не успеешь — дед.

Два вечера после этого приходил домой пораньше. В первый вечер Инны не было. Во второй сидел с нею, расспрашивал: куда хочет идти после школы, с кем дружит.

— Папа провел со мной политчас. Повоспитывал,— так охарактеризовала Инна этот внезапный интерес к себе.

С тех пор как Виктор окончил институт и был определен отцом в уральское КБ, он заменил Катерине «графиню». Правда, информация от них исходила принципиально разная. Таня была мастерица по части «сплетнис-вульгарис» — так сама она великодушно характеризовала свое поведение. Виктор сплетням значения не придавал.

Как рассказывал Виктор Катерине Власьевне об основном конфликте — уральская машина была продолжением старых холодовско-кочерновских образцов. Сильная, добротная — не более.

Новая машина Холодова — явление необычайное, звезда на небосклоне. В ней столько смелых, почти сумасшедших решений, столько безграничных возможностей!

Кочерно по долгу службы должен, обязан был объективно смотреть на ту и другую машины. Он так и делал. Но ведь сердцу не прикажешь. Он был, как мальчишка, влюблен в холодовский вариант и старался для его развития.

Пока поиски шли по параллельным линиям, все было тихо. Возник вопрос: какую машину вводить в серию? Тут началось... Сам Виктор считает, что Отец поступил неблагоразумно, бескомпромиссно требуя пальмы первенства для машины Холодова. Нужно было по принципу «тише едешь, дальше будешь» принять одну машину, а на свой страх и риск, как перед войной — ведь был же опыт,— делать холодовский вариант. Отец почему-то заупрямился, и проводили его с почетом на заслуженный отдых. Типичная картина. Растит розы



на даче. Книжки читает. Катерине надоедает своим характером.

Виктор примчался в больницу к Катерине Власьевне возбужденный.

— Рассказывай. Случилось что-то важное?

— Еще бы! Ты не выдашь меня? — Виктор говорил Катерине «ты».— Отца приглашают на работу!

— Как, обратно?

— Обратно он сам не пойдет. Поинтереснее — консультантом Слепова по внедрению холодовской машины. Он оказался прав в прогнозах.

— Разобрались, значит?

— Да, да, вот именно. Я бы на его месте ни за что не пошел. Кто ему прикажет? Персональный пенсионер — кум королю. Вон какие розочки в вазе стоят. А тут ему снова воз везти. Ни за что бы не пошел. Гордость надо иметь.

— Гордость? — Катерина посмотрела на Виктора. Хорошо сшитый костюм сидел идеально, галстук был повязан как следует, пробор расчесан хорошо. Приличный, добропорядочный молодой мужчина.

— Гордость? У Отца нет никаких амбиций, если речь идет о деле его жизни.

— Ты думаешь, он пойдет заниматься машиной Холодова? Простит оскорбление, нанесенное ему?

— Пойдет? Побежит! Полетит! Поползет! Он мечтал все это время...

Катерина чувствовала, как силы приливают к ней. Она уже почти здорова, потому что опять наступает его звездный час.

Виктор ушел. Она не хотела возвращаться в палату к соседкам, была слишком взволнована. Ничего не смысля в тех тяжелых конструкциях, которые не давали покоя ее Николаю, она почувствовала, что долгая жизнь где-то невдалеке от этих загадочных машин — в сущности, она всю жизнь каким-то странным образом тоже была их пленницей,— долгая жизнь рядом с ними и очень далеко от них сделала ее их верноподданной, их рабой и в чем-то очень незначительном — их хозяйкой. Они отнимали у нее Николая с первого дня их совместной жизни. Она ненавидела и любила их. Они были достойными соперницами жены великого человека.

Катерина уже не думала о своей болезни, о лекарствах, о режиме. Она нужна дома. Если Николай не сказал последнего слова, может ли она расслабляться и болеть? Конечно, он никогда не узнает ее мыслей. Завтра придет к ней. Она скажет как бы между прочим:

— Мне кажется, Коля, ты закисаешь над розами. Не пойти ли тебе поработать, тряхнуть стариной? Полезно. Многие так делают. Здесь лежал один пенсионер, так он...

И этот «великий» человек, этот умница ни о чем не догадается. Он подумает: какая она зоркая, как все чувствует...

Последней ночью в больнице ей снова снился Урал. Клуб. Танцы. На ней было розовое платье с бледно-серым, жемчужного цвета воротником. Она плыла, обняв Николая, высоко-высоко сцепив руки на его шее, почти не касаясь земли,— он легко поднимал ее. Она плыла, летела, парила. Никто не танцевал. Все смотрели на них. Со стороны она, казалось, видела свою и его красоту. Вся ее неудовлетворенность собственной жизнью, несбывшиеся мечты, несостоявшиеся профессии отлетели, как сор, как хлам — ненужное, чужое. Она была женщиной, просто женщиной, только женщиной. В этом была ее великая сила. Ее власть над ним. Глупая, глупая, напрасно думала она, что лучше бы ему соединиться с той, которая поймет его дело... Именно эта, заря волшебная, такая далекая от грубой действительности четкого чертежа, от жестокой реалии сборочного цеха, от несоответствий жизни и плана, такая воздушная в своей земной плотской силе. Нет, лишь с нею можно было на мгновение достойно забыть о деле. Лишь с нею можно было очнуться от счастья жить и окунуться в счастье и горе творчества. Глупая, глупая умная женщина.

Катерина Власьевна выписалась в хорошем состоянии.

*Продолжение следует.*






# СЛУЖИТЬ ИСТИНЕ

**«Я чувствую, что предназначена служить истине — науке, и прокладывать новый путь женщинам, потому что это значит служить справедливости».**

**Эти слова Софьи Ковалевской взяла эпиграфом к своей книге о ней академик математики П. Я. Кочина. Однако я хочу напомнить читателю, что писала Ковалевская — первая русская женщина член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Стокгольмского университета — чуть дальше: «Но не всегда бывает легко не уклоняться от назначения...» Мудрые и немного грустные слова. Софья Ковалевская их выстрадала.**

**«Не уклоняться от назначения» под силу лишь личностям не только талантливым в той или иной области науки, но и мужественным. Знание вообще требует мужества. А от женщины — особенно.**

**— Задача моя была весьма скромная: изложить в компактной форме основное из многочисленных имеющихся материалов о жизни нашей великой соотечественницы,— считает Пелагея Яковлевна Кочина.**

**...«Многочисленных имеющихся материалов». Сюда вошли дневники Софьи Васильевны Ковалевской и ее родственников, воспоминания о ней современников, ее переписка с русскими и иностранными учеными. Многие из источников приводятся в книге впервые, например, ряд писем знаменитого математика, учителя Ковалевской Карла Вейерштрасса, на лекции которого съезжались ученые со всех стран Европы, материал из архива, полученного Кочиной из Института Миттаг-Лефлера в Швеции. Обработке, переводу и публикации этих документов П. Я. Кочина посвятила немало лет своей жизни.**

**— Я хотела свести воедино наиболее значительное и интересное из всех известных мне материалов. При этом достаточное внимание уделено изложению математических вопросов,— рассказывает Пелагея Яковлевна.**

**Однако сама книга получилась значительно шире замысла автора. Работа, написанная ученым, академиком математики, читается с захватывающим интересом, словно яркое литературное произведение. Ну как тут не вспомнить слова Карла Вейерштрасса: «Высочайших вершин в нашей науке может достичь только тот, кто является до некоторой степени поэтом, у кого есть дар предвидения и чувство красоты».**

**С первых до последних дней жизни прослеживает Кочина путь Ковалевской, с записи 1850 года в метрической книге до некрологов в газетах, до траурных речей, сказанных пасмурным февральским днем 1891 года на Стокгольмском кладбище. Софья Васильевна скончалась в 41 год, в расцвете своего дарования, в расцвете женского обаяния и красоты. Восемь лет назад она тяжело перенесла смерть мужа, и теперь, в сорок лет, к ней вновь пришло женское счастье — летом была назначена свадьба с известным ученым-правоведом, по странному стечению обстоятельств ее однофамильцем — тоже Ковалевским.**

**Шведские друзья вспоминали, что последние слова, услышанные ими из уст Софьи Васильевны, были: «Слишком много счастья».**

**«От себя» П. Я. Кочина, казалось бы, ничего не пишет или пишет очень мало. Однако с каждой страницей книги все осязаемей, ярче становятся образы Софьи Ковалевской и окружающих ее людей: сестры Анны Васильевны — ставшей видным деятелем Парижской коммуны, мужа — Владимира Онуфриевича Ковалевского, ученого-биолога, издателя, журналиста, сражавшегося в отрядах Гарибальди; известных зарубежных ученых того времени...**

**Существует мнение, что отец Анны и Софьи генерал Василий Васильевич Корвин-Круковский был грубым деспотом, поэтому Софья, чтобы учиться, вступает в фиктивный брак с В. О. Ковалевским. Академик Кочина мягко опровергает это мнение. Она приводит многочисленные материалы, говорящие о том, каким интересным, разносторонним человеком был Василий Васильевич, как содействовал занятиям Сони математикой, какое влияние оказал на формирование личности своих детей, которых горячо любил. И дети, особенно младшая, Соня, очень похожая на отца, отвечали ему глубокой привязанностью. И, наверное, не случайно была в сестрах такая непоколебимая любовь к свободе — она тоже была воспитана в семье.**

**Удивительно естественно переходит Кочина от рассказа о жизни своих героев к математике, так же просто и легко, как это делается в переписке ученых, где математические формулы перемежаются остроумными замечаниями, веселой шуткой или стихами. (Кстати, следует отметить, что стихи Вейерштрасса отлично переведены П. Я. Кочиной.)**

**Софья Ковалевская всегда мечтала вернуться на родину. Но, увы, всемирно известному математику, обладателю премии Парижской Академии наук, если он родился женщиной, в царской России делать было нечего. Ковалевская тяжело переживала отказ. На ее могиле прозвучали слова: «Вы всегда были и будете славой нашей родины... Работая по необходимости вдали от родины, Вы сохранили свою национальность. Вы остались верной и преданной союзницей юной России, России мирной, справедливой и свободной, той России, которой принадлежит будущее».**

**...Когда-то Генрик Ибсен заметил, что написать биографию о русской женщине-математике Софье Ковалевской — значит создать поэму о ней. И, наверное, не случайно, что «поэму о Ковалевской» написала другая русская женщина-математик, академик П. Я. Кочина, сама достигшая высочайших вершин в своей науке.**

П. Я. Кочина. Софья Васильевна Ковалевская. Изд. «Наука». М., 1981, 311 стр.

Ванда **БЕЛЕЦКАЯ**

# Фарисеи

**Цезарь СОЛОДАРЬ,**
**специальный корреспондент «Огонька»**

### ЧУЖБИНА ЕСТЬ ЧУЖБИНА

Кое с кем из этого пополнения мне удалось поговорить. Они были не столь подавлены и не так откровенны, как бывший студент и его подруга. Наоборот, куражились, напускали на себя самодовольство и браваду. Иные отвечали мне запальчиво, в подчеркнуто насмешливом тоне. Вот выдержки из нескольких ответов:

— Почему вас так волнует, получу я образование или нет? А вы не можете себе представить, что я без образования освою такую профессию, о какой в Советском Союзе понятия не имел. Стану лоббистом. Интеллектуалы с высшим образованием будут у меня на побегушках. Или вам внушили, что лоббисты нужны только в Америке? Ошибаетесь, если так думаете[1].

— Только не надо охать «спекулянты, спекулянты!». Может быть, вы уже слышали: один из самых богатых здешних евреев после войны купил дом за пару ящиков сигарет. А сегодня может отхватить за этот дом целых полмиллиона. Недаром мой отец вспоминает любимую поговорку своего деда «Аз гот выл, шист а бейзым» (если бог хочет, стреляет веник.— **Ц. С.**). Бога, между нами говоря, нет, но вдруг и мой веник выстрелит, ну, не сигаретами, так карманными счетными машинками или модными дисками.

— Вы же сами хорошо знаете, что у меня еще нет работы. Хотите, чтобы я подтвердил? Пожалуйста. Но и в Израиле насчет работы мне тоже не очень светило. Здесь хоть во мне появляется... как бы сказать... пробуждается национальное самосознание, я больше чувствую себя евреем среди евреев. (Вот они, реальные плоды учебы в вечерней школе на Фазанерштрассе.— **Ц. С.**) Я стал понимать, что еврею плохо и в Австрии и в Италии. Конечно, простому, не торговцу, не предпринимателю. Значит, надо стать не простым, не трудягой, а заиметь собственное дело. Трудно? Да. Но кому-нибудь же в жизни, черт побери, везет. Вдруг мне. Во всяком случае, на вокзал Цоо я не попаду. Если не втянулся в такие дела в Тель-Авиве, в Вене, в Риме, то и здесь уберегусь... А без специальности можно как-нибудь обойтись. Вижу, люди очень часто работают совсем не по специальности, а все у них есть. Главное, удача.

— Записалась в «Маккаби». Прекрасно знаю, что это не только спортивный клуб, но и немножко сионизма. Ну и что! Буду записываться и туда, где гораздо больше сионизма. Раз прежняя жизнь отрезана, надо жить тем, что вокруг меня... Если бы всех сионистов заставляли переехать в Израиль — другое дело. А быть сионисткой в Германии — сколько угодно! Легче жить будет.

— Как я здесь устроился? Пока тренируюсь. Не удивляйтесь, я не бегун и не футболист. Просто готовлюсь к испытаниям. Они, наверно, будут тяжелыми, но, как поется в песнях, все впереди. Один местный — он здесь уже не второй год, как мы,— сказал мне: главное, не пугайся, что ты здесь чужой, не тушуйся. Запомни, сколько в ФРГ ни возмущаются собственными неонацистами, а турецкие «серые волки» и американские куклуксклановцы сумели так себя поставить, что им никто слова поперек не скажет... Он-таки прав. В конце концов и мы заставим самого важного местного считаться с нами, пришлыми сионистами. Думаете, нет?

— В Израиле я не решался примкнуть к молодежи, которая разговаривает не ивритскими словами, а кулаком и пистолетом. Потом в Италии увидел, что такие ребята и там не мучаются. А здесь я подумал: разве я хуже других? Нет, не такой я слабак. Рано или поздно куда-нибудь приткнусь. Раз попал сюда, приноравливайся... Вижу, как вы смотрите на меня — вам уже успели наговорить, что нами возмущаются. А что мне делать? Здесь и своих безработных хватает. И ни один дурак не скажет мне: на, возьми себе половину моего магазина. А у меня, к сожалению, и четверти магазина нет, а жить надо.

Таких слов, где дешевая бравада соседствует с деланным оптимизмом, где вперемешку с подчеркнутой безыдейностью проскальзывают «идейные» мыслишки сионистских наставников, я услышал в Западном Берлине немало.

Многие отъявленные молодые циники вместе со своими родителями с огромным волнением смотрели в кинотеатре «Дельфин» на Канцштрассе наш фильм «Москва слезам не верит». Смотрели по нескольку раз. Не рыдали навзрыд, как старики, но навернувшиеся на глаза слезы утирать приходилось.

От матери парня, уличенного полицией в перепродаже наркотиков, я услышал:

— Посмотрели мы с мужем картину, а когда вышли на улицу — услышали разговоры на чужом языке, увидели чужих людей. Сразу подумалось, что сын завтра должен явиться к инспектору полиции, который будет его допрашивать через переводчика, что переводчик заранее считает моего сына неисправимым подонком — сын заметил это еще на первом коротком допросе. Муж без слов понял мое состояние и сказал, не грызи себя, теперь уж ничего не поможет — чужбина есть чужбина.

Перед самым отъездом я случайно встретил на улице девушку, с которой меня познакомил бывший студент. Она была с подругой. Девушка подчеркнуто отрешенно молчала. А подруга — из вежливости, что ли,— объяснила мне:

— **Возвращаемся с лекции. Тема — рост оборонной силы Израиля, новые виды вооружений в стране. Мне здорово влетело за вопрос: а стоит ли Израилю терпеть неслыханную инфляцию ради того, чтобы иметь много оружия? Меня сердито поправили: «Не только иметь, но и выпускать. Ради того, чтобы создать собственный танк и продавать его дружественным странам (имелись в виду скорее всего ЮАР, Гватемала и Сальвадор.— Ц. С.), можно не распускать даже по субботам ремень на пасхальную дырку». Вы поняли? Лучше танк, чем сытная пища по субботам!**

И вот израильский танк вместе с новейшим американским оружием испытан ценою крови палестинских и ливанских детей и женщин. Вероятно, сейчас в Западном Берлине сионистские лекторы, гордясь участием собственных израильских танков в геноциде, сдабривают свои лекции такой «идиллической» былью.

Семидесятилетие Бегина по древнеиудейскому календарю совпало с мощной танковой атакой израильтян на укрепления палестинцев в Бейруте. В честь обоих событий юбиляру был сделан сюрприз: на интимном, как выражаются израильские газеты, торжестве гостям в особняке на улице Бальфур был подан гигантский торт, смастеренный кондитерами в виде танка «Меркава». Символический сюрприз встретили восторженно.

Правда, газеты предусмотрительно умолчали о том, что в тот же день бойцами палестинского Сопротивления были убиты 29 израильских танкистов. Умолчали газеты и о другом: когда гости Бегина смаковали прославляющий убойную силу израильского оружия торт, у резиденции премьер-террориста демонстрировали восемь тысяч тельавивцев, требовавших отозвать с неправедной войны своих сыновей, мужей, отцов. На плакатах были такие надписи: «Бегина — в отставку!», «Бегин и Шарон, перестаньте доказывать друг другу, кто из вас кровожаднее!»...

### ЧЕМУ УЧАТ АНЕЧКУ И ВЕРОЧКУ

Стремился я побеседовать в Западном Берлине и с кем-нибудь из преуспевших.

Представьте, это мне удалось. Натолкнулся я если не на вполне преуспевшую женщину, то, во всяком случае, благополучную, как принято выражаться в среде полулегальных западноберлинцев. И опять-таки по воле той самой не устраивающей некоторых театральных критиков нарочитости, о которой писал Юрий Нагибин, сорокалетняя Марина Ефимовна Городецкая оказалась винничанкой. А ее муж Зиновий Львович — уроженцем города моей юности Киева. Словом, оба супруга — бывшие мои земляки.

**Марина Ефимовна уехала в Израиль из Ленинграда, где работала в сфере культуры. Ее западноберлинские знакомые упорно считают, что она окончила институт культуры. Типичное для фальшаков да и для олим в Израиле преувеличение. Там это в порядке вещей: каждый ставит себя на ступеньку выше. Фельдшерицу считают врачом, техника — инженером, управдома — директором. Зиновий Львович работал водителем Ленторгбыттранса, но по «документам» числится шофером на международных линиях. Супруги привезли с собой дочку Аню. Вероятно, девочка и оказалась «палоч-**

[1] Нет, я так не думаю. Сионистское лобби активно действует в Аргентине и Мексике, в Италии и Англии. Много мне рассказывали, например, в Лондоне о назойливой и достаточно результативной деятельности лоббистского общества «Консерваторы — друзья Израиля». Еще когда тори были партией не правящей, а оппозиционной, президент упомянутого общества, его светлость герцог Девонширский, член тайного совета, кавалер «Военного креста», назвал «Консерваторов — друзей Израиля» — ни больше ни меньше! — «нашей парламентской группой». Сейчас, когда, одержав пиррову военную победу в Бейруте, израильские заправилы терпят неслыханное морально-политическое поражение, лоббисты повсюду особенно разгулялись. В Париже, к примеру, специально прилетевший из Нью-Йорка видный сионистский деятель недавно совещался с председателем совета представителей еврейских организаций Великобритании Гревилем Дженнером, главным казначеем Сохнута Акивой Левинским, председателем еврейского конгресса США Говардом Скадроном и другими сионистскими бонзами по одному только вопросу: как спешно расширить лоббистские группы при парламентах, чтобы усилить борьбу с правительствами, «изменившими» Израилю. Словом, не так уж неправ лоббист, изрекший в рассказе известного американского сатирика Арта Бухвальда «Дворец для лоббистов» следующее: «Но вы не представляете, как расплодилось наше племя. У нас теперь имеются лоббисты, лоббистирующие лоббистов».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—44.

кой-выручалочкой», благодаря которой родителям сравнительно легко удалось «зацепиться» за Западный Берлин. Как-никак, а вдруг получится будущий сионистский «кадр».

Мне Марина Ефимовна встретилась в роли совладелицы крохотного магазинчика на известной крупными магазинами Вирмерсдорфштрассе. Профиль этого куцего торгового предприятия определить трудно: там всего понемногу — от деталей женского гардероба до мужских джинсов. Но и в такую убогую коммерцию можно было войти, разумеется, только лишь располагая какими-то средствами. Надеюсь, супруги Городецкие добыли деньги законным путем.

Деятельница культуры быстро, по ее словам, вошла в роль торговки. Не менее успешно сумела, по моему впечатлению, приноровиться к законам нового образа жизни, взяв на вооружение сомнительную сентенцию: с волками жить — по-волчьи выть. И начались бесконечные сделки с совестью. Вот, например, рассуждения Марины Ефимовны о воспитании девочки:

— Вы сами, конечно, понимаете, что ни в какого бога я не верю. Но заставила девочку прилежно учить в школе иудейский закон божий. Это может ей пригодиться даже здесь. Ну, а в Израиле это особенно ценится...

— Но вы не захотели поехать в Израиль.

— Мало ли что в жизни бывает! Вдруг здесь станет хуже, а там лучше. И дочке придется переехать.

— Вероятно, придется,— удивил я Марину Ефимовну своим замечанием.— Девочка подрастет и, возможно, не захочет мириться с фактами дискриминации, с которыми здесь примирились ее родители. Например, в выборе улиц для проживания. В районе, скажем, Тиргартена вам селиться запрещено, так ведь?

Пока Марина Ефимовна, деланно улыбаясь, обдумывала ответ (не о родине ли «про запас»?), вошел покупатель. Вошел, к удовольствию совладелицы магазинчика, вовремя — иначе ей пришлось бы признать, что для евреев-иммигрантов в Западном Берлине существует, как выразился весьма пожилой фальшак, кусочек гетто.

Мне, впрочем, совсем не требовалось, чтобы Городецкая подтвердила этот печальный факт. Я уже располагал более авторитетным подтверждением. Господин Галински на одном из собраний перед выборами в западноберлинский сенат, точнее, 8 марта 1981 года, сетовал на ограничения прав евреев в городе. Имеется в виду запрет на проживание в определенных районах, сокращенные размеры социальных пособий, затрудненный порядок оформления паспортов.

В Западном Берлине, как и в ФРГ, разгулявшиеся нацисты требуют расширить перечень ограничений гражданских и юридических прав евреев. Элементарных человеческих прав!

А что предпринимают руководители еврейской общины и сионистских организаций? Время от времени сигнализируют властям. А своих членов успокаивают, что нацизм возродиться не может. И выступают на собраниях с успокоительными заявлениями на сей счет.

Между тем информационный бюллетень центрального совета евреев ФРГ «Еврейская служба» вынужден утверждать противоположное. Передо мной объемистый номер бюллетеня за август 1981 года. Открывается он статьей Вернера Нахмана под таким красноречивым заголовком: «Новое развитие правого экстремизма требует повышенного внимания». В таком же тоне звучит заголовок второй статьи — «Рост неонацистской активности является поводом для беспокойства». Подобных материалов в бюллетене много. Среди них выступления министра юстиции Шмуде и других правительственных деятелей ФРГ, вынужденных признать безудержный разгул терроризма, способствующий росту антисемитских настроений и акций. Правда, редактор бюллетеня только в самом крайнем случае прибегает к слову «антисемитизм». Вероятно, в значительной степени из-за того, что сионисты привыкли называть антисемитами не тех, кто действительно заслуживает этой позорной клички, а любого, кто не согласен с глубоко реакционной и враждебной прогрессу сущностью сионизма.

Итак, фальшаки, кое-как узаконившие свое пребывание в Западном Берлине и частично в западногерманском городе Оффенбахе, вынуждены мириться с ущемлением их человеческих прав, с нарастающим мутным потоком антисемитизма.

А сионизм призывает их к борьбе за «права» евреев в... Советской стране. На нескольких лекциях в пресловутой народной высшей школе молодым слушателям уже напомнили их непреложную обязанность готовиться к очередному антисоветскому сионистскому «конгрессу». Среди молодежи проводится негласный конкурс по отбору кандидатов на это провокационное сборище.

Что ж, кое-кто рад стараться опередить своих конкурентов. Имеются в виду парни и девушки, заведомо готовые пробиться в первые ряды кадровых антисоветчиков.

Вернусь к «благополучным». Таковой считает себя и молодая женщина из Литвы, сразу же заявившая:

— Поговорить с вами — поговорю, но имя и фамилию не спрашивайте. И прошлый адрес — тоже.

— А где работает ваш муж, можно спросить?

— Здесь лучше спрашивать, сколько зарабатывает муж, а не где он работает. Мой пока еще постоянного места не имеет. Пока он без определенных занятий, но зарабатывает так, что мы не голодаем и, как видите, довольно прилично одеваемся.

Жена человека, который уже более полутора лет не имеет определенных занятий, более охотно рассказывает об одиннадцатилетней дочке. Несколько раз подчеркивает, что сумела устроить Верочку в школу, где учатся дети «многих местных приличных людей». На мой вопрос, довольны ли родители тем, чему и как обучают Верочку, следует бойкий ответ:

— Что за вопрос! Еще как довольны!

Честно говоря, я был мало подготовлен к беседе о школьном образовании в Западном Берлине. Но знал, что и там весьма в моде учебные программы и рекомендации, утверждаемые постоянной конференцией министров культов земель ФРГ. А в рекомендуемых учебниках география и новейшая история преподносятся в искаженном, зачастую откровенно пронацистском духе. Приведу один пример.

В феврале 1981 года конференция предписала обозначать на географических картах «границу германского рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года», перечеркнув тем самым священную память миллионов честных людей, павших в борьбе с фашистскими оккупантами.

Рассказал об этом моей собеседнице.

— А,— пожала она плечами,— политика! Как учат всех здешних детей, так пусть учат и мою Верочку...

Короче, мать не тревожит обучение ее дочурки в духе неонацизма, помноженного на сионистский шовинизм.

...Итак, параллельно военному разбою израильского сионизма, во всех странах Запада сионистские организации и спецслужбы из кожи лезут вон, только бы раздуть там среди евреев шовинистический угар. Пытаются если не оправдать в глазах мирового общественного мнения геноцид в отношении палестинцев и ливанцев, то хоть приглушить волну справедливого гнева и возмущения, вызванную злодеяниями израильской военщины. Наряду с этим международный сионизм усиливает свои провокации с целью заманить в Израиль из других стран, в первую голову, конечно, социалистических, новые жертвы «воссоединения» и старается любыми средствами воспрепятствовать бегству израильтян с охваченной милитаристским безумием «исторической родины». Все эти фарисейские деяния пронизаны зоологическим антисоветизмом, проводятся во исполнение рейгановских планов «крестового похода» против коммунизма.

Вот почему в пору, когда израильская военщина продолжает творить преступные бесчинства на ливанской земле и пытается навести там угодный сионизму «новый порядок», я счел себя обязанным поделиться с читателями тем, что воочию увидел в Западном Берлине, и рассказать, как сионисты укрепляют там свой антисоветский форпост. Этот факт весьма типичен для характеристики нынешних действий международного сионизма, всячески пособляющего своим израильским единомышленникам вкупе с Пентагоном разжигать войну на Ближнем Востоке.

## У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Возможно, службы международного сионизма, вынашивающие широкие планы новых антисоветских акций, не раскаиваются в проделанной операции по переселению в Западный Берлин около трех тысяч бывших граждан социалистических стран. Но сами переселенные ощущают крах своих скромных личных планов.

И столь плачевные первые итоги очень обеспокоили разномастный синклит реакционных союзников и покровителей сионистов. У него-то были свои расчеты. Он уповал на то, что для проверенных и перепроверенных фальшаков Западный Берлин станет этаким островком благоденствия. В самом деле, с «земли отцов» они бегут, их злоключения в США признает даже американская печать, в Австрии и Италии они бесправны и беззащитны, в другие западноевропейские страны их не пускают, из Канады, Австралии, Новой Зеландии от них приходят безрадостные вести. Что же получается? В «свободном мире» для них нет места под солнцем. И не без рьяного пособничества шпрингеровской прессы возникает легенда: Западный Берлин — вот оно надежное пристанище, вот где для них впервые после отъезда с родины начнется настоящая жизнь.

Нет, не стал островком благоденствия и Западный Берлин!

Большинство «счастливчиков», пригретых в Западном Берлине общиной и сионистскими службами, с горечью сознают, что очутились у разбитого корыта. Об этом можно судить по коллективному ответу на вопрос (на который не пожелал мне ответить господин Галински!) о том, как сложилась судьба молодых «новоселов». Незавидная, как видите, судьба!

Причем ни один из беседовавших со мной на эту тему не был откровенным до конца. Местные жители, в частности журналисты, не решаются высказать во весь голос возмущение аферами, спекуляцией и другими неблаговидными проделками значительной части пробравшейся в город еврейской молодежи. Они прекрасно знают, что немедленно будут причислены еврейскими националистами к антисемитам. Сами же фальшаки — и молодые и пожилые — не договаривают все до конца по двум причинам: меньшинство из стыда и ложного самолюбия не хочет признаваться в крахе своих иллюзий, большинство боится сионистской расплаты.

От некоторых из них я услышал:

— Ефим Буз — вот кто расскажет вам всю правду. Он дошел до отчаяния, никого и ничего не боится.

— Поговорите с Ефимом Бузом. Он вам откроет столько, что у вас заболит рука записывать!

— По сравнению со мной и со многими другими Ефим Буз — богач. Но он готов бросить все до последнего пфеннига и ночью по шпалам побежать к советской границе. Не уезжайте, пока не поговорите с ним.

Естественно, я решил встретиться с врачом-стоматологом Ефимом Давидовичем Бузом, покинувшим в августе 1978 года родной Днепропетровск под предлогом воссоединения с родственниками. В числе первых фальшаков он сумел устроиться в Западном Берлине. Материально он действительно был обеспечен, хотя бо́льшую часть заработка у него отнимал местный зубной врач, прикрывавший полулегального коллегу своей вывеской.

Но в последний момент мне сказали:

— Совсем потерял голову Ефим! Не хочет замечать, как на него косятся сионисты с крепкими кулаками и кастетами в кармане. Ох, переполнится чаша ихнего терпения, и они проучат Ефима так, как... они умеют!

И я отказался от намерения разыскать Ефима Давидовича и обстоятельно потолковать с ним. Кто знает, не оказалась ли бы его откровенная беседа с советским писателем последней каплей в чаше терпения сионистских функционеров. Не могут простить «конкуренту» достигнутого «благополучия»! И если про «бунтовщика» Буза кто-нибудь шепнет словечко-другое так, что оно дойдет до длинных ушей агентов Моссада, то уж тогда...

О паническом страхе любого «бывшего» перед Моссадом — израильским центром разведки и специальных операций — я неожиданно услышал от бывшего польского гражданина, сравнительно давно уже обосновавшегося в Западном Берлине. Увидев у него в руках израильскую газету на иврите, я спросил, какие новости он вычитал. Слабо владея ивритом, мой собеседник все-таки перевел на идиш заметку о кровавой антисемитской акции в Аргентине. И добавил с едва уловимой усмешкой — не то иронической, не то растерянной:

— А Моссад считает, что это дело рук палестинцев.

— Вы как считаете?

Помолчав несколько секунд и испытующе глядя на меня, он ответил вопросом на вопрос:

— А вы знаете, что означает на иврите слово Моссад?

— Институт.

— Но совсем не благородных девиц, а... Словом, если на дворе день, моссадовцы говорят — ночь. И все израильтяне да и многие из таких, как я, обязаны подтвердить: ночь. Если моссадовцы говорят, что какого-то полунищего аргентинского еврея убили палестинцы, то я должен...— Снова короткая пауза. И вдруг моего робкого собеседника словно прорвало:— Да, я, я, кому до Моссада еще дальше, чем до наследников Круппа, смею думать, что еврейскую кровь пролили сами моссадовцы!

Я вовсе не собирался публиковать этот диалог, хотя прекрасно знал, что вот уже десятилетия подряд сионисты взваливают ответственность за любую кровавую антисемитскую акцию в любой стране исключительно на палестинцев. Даже вопреки прямым результатам следствия. Но за последнее время на вопрос «Кто же истинный виновник таких акций?» зарубежная пресса, в том числе и буржуазная, все чаще и чаще отвечает: Моссад.

Не случайно многие газеты капиталистических стран перепечатали из чехословацкой газеты «Руде право» такую выдержку:

«Израильская секретная служба,— приходит к выводу на основе многих фактов «Руде право»,— никогда не останавливалась перед кровавыми провокациями и совершала убийства, жертвами которых становились представители Израиля и еврейских организаций».

Для чего же Моссад идет на такие чудовищные провокации?

«Чтобы оправдать политику оптового террора, проводимую государством Израиль»,— точно и недвусмысленно отвечает газета.

Да, во имя расистского оптового истребления людей «неполноценной расы» разведка еврейского государства, не задумываясь, убивает «в розницу» евреев у себя в Израиле и за рубежом. А затем начинает «справедливо мстить» палестинцам...

В печальных полуоткровениях людей, настойчиво советовавших мне поговорить с Бузом, нередко проскальзывали слова «**мы** надеялись», «**нам** пришлось», «**наше** положение». Могло создаться впечатление, будто осевшие в Западном Берлине фальшаки дружны, едины, печалятся друг о друге. Нет, совсем не так! В их устах «мы» — всего лишь множественное число. «Новоселы» разобщены, относятся один к другому подозрительно, даже враждебно.

— Конкуренция! Кусков так мало, что их не хватает для всех.

**Эти слова больного, быстро дряхлеющего на чужбине бывшего львовянина точно определяют моральную атмосферу свежего пополнения еврейской общины. Не случайно мой собеседник, язвительно улыбаясь, признался:**

**— Конечно, если мне плохо, меня мало утешает, что соседу еще хуже. И все-таки мне мало радости, если ему будет хорошо.**

**Можно в какой-то степени понять, почему считают необходимым «по-волчьи выть» пожилые люди, раздраженные неудачами, издерганные скитаниями, измученные болезнями.**

**Но откуда такое же злорадное отношение к чужим бедам у молодежи? Почему, например, девятнадцатилетняя девушка так язвительно и насмешливо рассказывает о горестях выпускницы Ленинградской консерватории Раисы Шапиро, вокалистки, которую в Израиле довели до творческого краха:**

**— Уж ей, дурехе, чего не хватало в Ленинграде! Захотелось потрясти израильскую публику. И не только израильскую. Призналась мне, что надеялась на гастроли по всему миру. Подумаешь, королева вокала! А в Израиле, конечно, эта королева с трудом пробилась в оперу пополам с опереттой. А там чужачке ходу не дадут. И через каких-нибудь полгода Райке пришлось тикáть, как мышке от кошек. А теперь ноет, ноет! «Ах, будь проклят тот день, когда я надумала ехать сюда! В Ленинграде вся музыка, вся советская культура была моя. И Свиридов, и Кара Караев, и поэзия Ольги Берггольц. А здесь? Песенки-шлягеры петь в кабаре?» И пришлось Райке стать преподавательницей вокала. Громко звучит — «преподавательница вокала». Бегает, как жучка, по урокам. Так ей, карьеристке, и надо!**

И такой злорадный монолог с упоением выпалила девушка, сама теребившая родителей: «Поскорей, поскорей в Израиль!» Оттуда поспешила в Рим, где, по ее выражению, один еврей ни на грош не верит другому. В Западном Берлине она уже наверняка надеется «добиться своего». Чего — и сама толком не знает. Пока ничего не добилась. Боюсь, как бы привлекательная внешность не привела ее к самому постыдному для женщины способу материально обеспечить себя.

А ведь этой девушке, как и другим осевшим в Западном Берлине «избранникам» Сохнута, завидуют десятки ее сверстниц и сверстников, которые либо бежали из Израиля, либо предпочли не ехать туда. В Риме, Вене, Антверпене, Роттердаме, Торонто, Никосии, повсюду, где они расплачиваются за свои роковые ошибки, сохнутовцы и эмиссары других сионистских служб продолжают безжалостно терроризировать их. С обычной настойчивостью и безжалостностью.

В Вене, скажем, бывшую москвичку из семьи прямиков Елену В. изощренной и методичной травлей довели до самоубийства. Ее маленькая дочка Катя осталась на руках морально и физически истощенного отца. Лишенный работы, он не смог прокормить потерявшего мать ребенка. Не называю фамилию отца — ведь ее носит и маленькая Катя, вновь обретшая потерянную по вине родителей Родину. Исстрадавшаяся на чужбине девочка живет и учится в Советском Союзе на полном государственном обеспечении в детском доме художественно-музыкального воспитания. Не знаю, станет ли она музыкантом, но свободным, полноправным человеком безусловно станет!

Не стоит, вероятно, приводить еще примеры не прекращающейся на Западе, беспощадной травли сионистской агентурой «антипатриотов», которые предпочли беспросветность скитаний ужасам оседлой жизни в обстановке милитаристского угара Израиля.

## ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНТИСОВЕТЧИКИ

Впрочем, истины ради скажу: не только в Западном Берлине некоторых «изменников Израилю» самые фанатичные сионисты не предают анафеме. Наоборот, чтут и прославляют. К прославляемым принадлежит бывший киевлянин Лев Израилевич Ройтман.

**По совместительству с фарцовочной деятельностью и регулярной картежной игрой на высокопрофессиональном уровне он с грехом пополам окончил в Киеве юридический факультет и был зачислен в местную коллегию адвокатов. Однако на адвокатском поприще благоденствовал недолго. Взяв на себя защиту подсудимого, уличенного в изнасиловании, решил обелить своего клиента несколько необычным путем: пытался с помощью подкупа склонить потерпевшую к ложным показаниям на суде. Ройтману пришлось, естественно, распрощаться с адвокатурой. И тут экс-адвокат вспомнил о неведомой ему доселе тете Фире в Тель-Авиве. Вызов от тети был получен: она жаждет воссоединения с совершенно неизвестным ей, но тем не менее ненаглядным родственничком!**

**Компаньоны Ройтмана по поездке на «землю отцов» нескрываемо завидовали ему: при наличии тель-авивской тети его уж Сохнут никак не посмеет засунуть на проживание куда-нибудь в пустыню Негев, он-то поедет, конечно, в столичный город Тель-Авив!**

У Ройтмана, однако, имелись свои сокровенные планы. После «доверительной беседы» с одним из сотрудников Ройтман быстро очутился в Нью-Йорке. Там и состоялся задуманный дебют новоявленного публициста-антисоветчика.

Знакомство с Шерон Голлер, активисткой кахановской террористической «Лиги защиты евреев», открыло перед ним еще более заманчивые горизонты. Молниеносно вспыхнувшая взаимная любовь заставила пронырливого «патриота государства Израиль» бросить на произвол судьбы жену и ребенка ради женитьбы на обольстительной кахановке. Ее единомышленники и предоставили Ройтману радостную для него возможность торопливо подмахнуть бланк такого недвусмысленного содержания: «Нижеподписавшийся поставлен в известность о том, что радиостанция «Свобода» создана ЦРУ и функционирует на его средства. За разглашение этих данных виновные будут подвергаться штрафу до 10 тысяч долларов и тюремному заключению сроком до 10 лет».

Голубая мечта Ройтмана осуществилась: он стал сотрудником радиостанции «Свобода», причем не в каком-нибудь филиале, а в главном ее осином гнезде, в Мюнхене. Вначале его творчество ограничивали только юридической тематикой, точнее, клеветой на советский суд и органы юстиции. Но безотказность, с какой Ройтман был готов придумать любую нужную отравителям эфира антисоветскую «утку», выдвинула его в первые ряды «советологов». Требуется, к примеру, воспеть подвиги белогвардейского вождя Деникина, чьи подручные специализировались, помимо прочих кровавых зверств, на еврейских погромах, услужливый Ройтман — тут как тут. Он быстро сделал карьеру и прослыл самым мобильным среди «пальчиков».

Что означает прозвище «пальчик» — мне объяснили в свое время западногерманские журналисты в Мюнхене. Поднаторевший на лжи «пальчик» может по первому требованию американских шефов радиостанции смастерить любой необходимый им «факт» из советской жизни, сославшись на самую несуществующую цифру, сочинить «цитату» из несуществующего документа. А поскольку вся подобная «информация» высасывается из пальца, рекордсменов выдумок окрестили «пальчиками».

**Показательный штрих. О заманчивой карьере Ройтмана идут толки не только в местах наибольшего скопления прямиков, скажем, у бездействующего фонтана близ почты в Остии, или на шумной римской толкучке Порто-Поргезе. Парижские сохнутовцы и сионистские агенты в Западном Берлине тоже превозносят Ройтмана, когда речь заходит о преуспевших йоширим. Впрочем, такие, как он, для сионистов уже не йоширим: профессиональный антисоветизм искупает в их глазах все грехи.**

**Вот почему молниеносно сионисты превратили из изменника в патриота и Леонида Махлиса. Получив университетское образование в Москве, сей тип, подобно Ройтману, воспылал жаждой «воссоединения» с неведомой ему израильской теткой. То ли она не шибко обрадовалась свалившемуся с неба племяннику, то ли дипломированный журналист пресытился карьерой подсобника, но вскоре он сделал ошеломляющее заявление о том, что жизнь в Израиле его не устраивает. Сионисты немедленно затеяли шельмование Махлиса по высшему разряду. Затем несколько поумерили свой пыл, узнав, что Махлис стал зятем бывшего исполнителя душещипательных романсов Михаила Александровича, впоследствии престарелого кантора-гастролера в Канаде и Америке. Как-никак тесть по первому же требованию выступает с потребным на данный момент антисоветским заявлением, да еще аккуратно вносит отчисления от своих гастрольных гонораров в кассу террористов-кахановцев! И молодоженам немедленно предоставили возможность дебютировать в передачах израильского радио на русском языке.**

Вскоре они, однако, попались на уголовной афере. Казалось бы, карьера лопнула? Нет, замаранные радиожурналисты получили повышение: они оказались ценной находкой для радио «Свобода». И тогда уж сионисты, в том числе и израильские, окончательно простили вчерашнего «антипатриота» Махлиса и его жену Илону.

Не очень-то, впрочем, уютно под сводами главной антисоветской радиостанции сионистским питомцам: Ройтману, чете Махлис, мастеру по шельмованию советских спортсменов Евгению Рубину, несостоявшемуся режиссеру Юлиану Паничу, превращенной в специалистку по проблемам советской молодежи косметичке Молли-Инне Гординой-Риффель-Светловой, поднаторевшему на провокационном толковании экономических проблем Анатолию Лимбергеру и прочим вчерашним «еврейским антипатриотам», пригретым вдохновителями грязных радиопередач «Свободы». Но им приходится круто вовсе не оттого, что еврейская национальность новичков-антисоветчиков назойливо навевает на многих кадровых аборигенов «Свободы» воспоминания об их гестаповской карьере и зверских преступлениях в гитлеровских лагерях смерти, где они истребляли старшее поколение родственников и земляков своих сегодняшних коллег. Да и самих ройтманов с махлисами палаческое прошлое кадровых радиолжецов тоже мало волнует — любой яростный антисоветчик им желанный друг, независимо от его кровавой биографии. Все это несущественные «мелочи» для выкормышей ЦРУ любого поколения — и старожилов «Свободы» и ее новоселов.

«Конфликт поколений» объясняется гораздо проще и практичней: старослужившие антисоветчики-профессионалы боятся конкуренции. Их тревожит умение пронырливых молодых предателей оперативней и, как выразился один из американских наставников «Свободы», современней откликаться на всякий, самый неожиданный, приказ заокеанских хозяев.

гастроли



Сцена из спектакля «История одного города».

# В ТРУДНОМ ПОИСКЕ

Театр воспитывает — это аксиома. Театр юного зрителя должен воспитывать, так сказать, вдвойне: зритель у него особый, в силу своего возраста недоверчивый, ироничный, пожалуй, даже настороженный. Он не терпит никаких ухищрений — любая фальшь способна отбить у него интерес к театру вообще.

Творческий отчет Ереванского ТЮЗа перед столичным зрителем показал, что думает коллектив главного детского театра республики о подрастающем поколении, которое он призван воспитывать.

Скажем сразу: театр не играет в поддавки со своим зрителем: полностью откровенен и ничего не упрощает; говорит только правду.

Тон серьезного доверительного разговора со зрителем задает уже сам репертуар ТЮЗа: на афише — драматургия армянских писателей, пьесы белоруса А. Макаенка, эстонца Х. Вяли, инсценировка «РВС» А. Гайдара, сказка Е. Шварца «Снежная королева»... Драматургия социалистических стран тоже занимает значительное место в репертуаре. Представлена классика именами Шекспира и Салтыкова-Щедрина...

Привлекает прежде всего жанровая широта интересов коллектива. Драматическая поэма и публицистическая повесть, героическая комедия и сказка, драма и сатира — театру доступно многое. В стремлении завоевать своего зрителя он постоянно ищет новые пути, новые контакты, новые интонации в честном и прямом разговоре.

Ереванский ТЮЗ уважает своего зрителя. Это, наверное, главная черта. Спектакли обращены к подростку вдумчивому и серьезному: театр доверяет его справедливости.

В переложении повести «Непрожитые годы» известного армянского писателя В. Петросяна отразились все достоинства и недостатки столь популярных сегодня инсценировок, круг вопросов, четко очерченных в повести, оказался размытым, живые герои — аморфными, действие — вялым и неровным по ритму. Но постановщик спектакля режиссер-дипломант А. Казанчян, пожалуй, менее всего виноват; и он и исполнитель главной роли А. Сантросян стараются проявить психологический план пьесы, и в лучшие моменты им это удается: представление набирает силу, в нем проступают истинно драматические черты. Социальная опасность мещанства не может оставить равнодушным сидящего в зале подростка.

Обращение ТЮЗа к «Истории одного города» по М. Салтыкову-Щедрину стало серьезным испытанием для коллектива... Здесь проявились столь свойственные армянскому театру резкость красок, яркость и выразительность характеристик, приверженность к сплаву трагического и комического... Да и сам факт внимания театра к творению русского писателя заслуживает несомненного одобрения. Но... случилось непредвиденное! В силу, очевидно, недостаточного осознания значения книги Салтыкова-Щедрина для русской литературы, для русской истории, сами по себе достоинства спектакля, о которых говорилось выше — яркость и броскость,— обернулись недостатками. Сатира Салтыкова несет зерно трагедии, недаром И. Тургенев видел в ней что-то почти страшное: она не может и не должна опускаться до фарса. Постановщик же Е. Казанчян строит «народные» сцены с опрокидыванием стаканчиков под веселое треньканье балалайки, и игра актеров — прекрасная в полном смысле — вызывает огорчение, поскольку не может иметь никакого отношения к гениальной книге Салтыкова-Щедрина... Хотя спектакль так интересно смотрится! Исполнитель главной роли многочисленных градоначальников города Глупова А. Сантросян — единственный в спектакле — играет все и за всех, не унижаясь до фарса: образ в его исполнении обретает черты истинно трагические. Его понимание роли доносит до зрителя ужас, боль и гнев автора. Но этого чувства недостает всем остальным участникам спектакля.

Московское гастрольное лето Ереванский ТЮЗ завершил комедией «Много шума из ничего» — радостным, по-настоящему театральным спектаклем. Здесь каждая сцена — словно живописное полотно: выразительны мельчайшие детали, богата пластика актеров. Тут прекрасны и режиссерские находки Е. Казанчяна, тут великолепны актерские работы С. Чалоян и А. Сантросяна...

Ереванский ТЮЗ находится, видимо в той поре, когда опыт просчетов и даже неудач на трудном пути поиска ведет к зрелости.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Началась самая отъявленная волчья свара за насиженные места под сенью ЦРУ. И, как обычно водится в стаях хищников, молодые в конце концов загрызают старых. Вот почему бывалые антисоветчики гитлеровской пробы истошно вопят в кабинетах наместников ЦРУ о засилье «безыдейных евреев» на радиостанции, которая, дескать, передач на еврейском языке не ведет.

Как только первые беглецы из Израиля окопались у микрофонов «Свободы», заслуженный радиопровокатор из матерых гестаповских палачей Гаранин, чьи руки обильно обагрены еврейской кровью, счел нужным подать сигнал тревоги своим американским шефам. «Высокоидейного» антисоветчика встревожило, может ли коллектив его единомышленников «политически» доверять людишкам, предавшим свой Израиль».

Подумать только, бывший прокурор власовской банды изменников Родины упрекает прямиков ройтмановско-махлисовской формации в измене руководимому сионистами государству, а сионистские заправилы махнули на это рукой! Почему? Да опять-таки исключительно потому, что ройтманы и иже с ними, подобно всем наймитам ЦРУ, готовы профессионально заниматься антисоветской клеветой 365 дней в году. В глазах сионистов такое рвение искупает все.

Покровительство международного сионизма молодчикам, презревшим, правда, Израиль, но зато пошедшим в услужение к руководителям заокеанских антикоммунистических центров,— это разновидность сионистской охоты за молодыми душами.

Всюду, где имеют возможность орудовать сионисты, такая охота ведется все изощренней, коварней, провокационней.

Тон задавали и задают сионисты Соединенных Штатов — государства, чьим ландскнехтом, субподрядчиком и жандармом на Ближнем Востоке стал Израиль. Как и всему, что «сделано в США», сионизму в американской упаковке свойственна глобальная направленность, он считает себя «опекуном» сионистских служб Западной Европы, Латинской Америки, Азии. С властностью и заносчивостью богатого хозяина он на всех континентах командует сионистской охотой за молодежью.

Он и милует тех, кто, презрев «историческую родину» и бежав из военизированного Израиля, искупает это оголтелым антикоммунизмом и расизмом.

Тель-Авив и Вашингтон готовы простить все, ну абсолютно все, и тем, кто готов направить автоматное дуло на семилетнего палестинского мальчика, вышедшего вместе с родителями на мирную демонстрацию в Газе. Кто готов изуверски открыть огонь по молящимся в иерусалимской мечети мусульманам. Кто готов сровнять с землей все без исключения строения и с корнем вырвать все до одного плодовые деревья на «возвращенной Египту», а по существу, переуступленной американским войскам земле Синая. Кто готов по велению ЦРУ непрерывно снабжать оружием карателей Сальвадора и других диктаторских режимов в Латинской Америке. Кто готов снисходительно, мягко говоря, взирать на поднимающий голову неонацизм, воскрешая тем самым преступные традиции сотрудничества сионистских лидеров с гитлеровцами в годы второй мировой войны. Кто готов тесно сотрудничать с разведкой самых презренных в мире разбойничьих правительств вроде ЮАР и Чили. Кто готов «не мешать» орудующим во многих странах мира израильским террористическим бандам. Кто готов, короче говоря, беспрекословно выполнять все, что Бегин и его покровитель Рейган требуют от любого так называемого обыкновенного сиониста, вплоть до прямого участия в геноциде по гитлеровскому образцу.

А требуется от обыкновенного сиониста прежде всего фарисейство, да, доведенное до последней черты фарисейство.

Вспоминается мне в связи с этим упрек, брошенный мне, корреспонденту «Огонька», видным лондонским сионистом Якобом Зоннтагом, редактором «Ежеквартального еврейского обозрения» на английском языке:

— В «Огоньке» я встречал слова о фарисействе сионистов. Не понимаю, ведь фарисеи были только в древней Иудее, их политически-религиозная партия, чего греха таить, действовала исключительно в интересах богачей и, не собираюсь от вас скрывать, только наружно придерживалась благочестия и религиозного фанатизма. А фактически... А, зачем вспоминать! Фарисейство давным-давно ушло в далекое прошлое! Зачем его сегодня ворошить, не понимаю!

Запомните, мистер Зоннтаг, а заодно и герр Галински, и синьор Тас, и мосье Ротшильд, и все прочие господа лидеры международного сионизма в любой западной стране, запомните: мы говорим о сионистском фарисействе в том позорном смысле, какой сегодня вкладывает в это слово каждый честный человек, мы говорим о лицемерии, ханжестве, предательстве, мы говорим о лжи, провокациях, жестокости под личной гуманности. И относится это не только к открыто делающим свое грязное дело сионистам, но и к их скрытно действующей агентуре.

*Окончание следует.*



**Л. Шполянская.** ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ.



**С. Рянгина.** ВСЕ ВЫШЕ.

# СУДЬБА ВАЛААМА ВОЛНУЕТ МНОГИХ

На статью М. Поспелова «Судьба Валаама» («Огонек» № 8, 1982), в которой говорилось о неблагополучном состоянии уникального ландшафта и памятников истории — неповторимых архитектурных шедевров Валаамского архипелага, откликнулись многие читатели, разделившие тревогу за судьбу замечательных островов.

Три письма были опубликованы (№ 18, 1982).

**В письмах акцентируется внимание на бесхозяйственности, царящей на острове, подчеркивается настоятельная необходимость передачи всего валаамского комплекса в ведение одной по-настоящему дееспособной организации.**

**Инженер Г. Ф. Киселев добавляет, что Валааму нужен единый хозяин, нужна тщательная, круглогодичная охрана территории заповедника.**

**Заслуживают внимания мысли, высказанные в письме докторов наук В. Н. Богачева, Ю. В. Сухотина и кандидата экономических наук Н. А. Костяшкина: «...Речь должна идти и о почвах, мхах, травах, деревьях — о том, что образует Валаам как географический объект. Никакими средствами не восстановить природной среды, когда ее разрушение достигнет порогового уровня».**

**С горечью констатируют учителя Удельнинской музыкальной школы загрязненность острова. Педагоги пишут: «В огромном потоке туристов, к сожалению, попадаются пьяницы. С ними надо бороться! И в поселке и на теплоходах, идущих на Валаам, не продавать вина и водки — ведь заповедник же!»**

**Действительно, в заповеднике следует прекратить продажу спиртных напитков — эта реальная мера немало оздоровит обстановку на Валааме.**

**Доктор технических наук А. С. Некрасов считает необходимым территорию архипелага с прибрежными водами объявить музеем-заповедником союзного значения, временно сократить до минимума число туристов, посещающих Валаам; разработать жесткую систему штрафов за нарушение порядка и нанесенный ущерб; предусмотреть повышенные отчисления от стоимости путевок на Валаам и направить средства на содержание охраны заповедника, на реставрационные работы и лесное хозяйство; предусмотреть для острова повышенные нормы научно-технического персонала и оплаты их труда.**

* * *

**Редакция получила и официальные ответы. Карельский областной комитет КПСС информировал о мероприятиях по упорядочению использования и сохранности памятников истории и культуры и природного ландшафта Валаамских островов. В ответе сообщается, что институт «Ленгипрогор» Госстроя РСФСР с августа 1981 года разрабатывает проект Генплана и технико-экономические обоснования развития Валаама.**

**Далее в письме говорится: «Валаамский историко-архитектурный и природный музей-заповедник как филиал Карельского государственного исторического музея определен временно. Вопрос о статусе самостоятельного музея-заповедника на Валаамском архипелаге будет поставлен перед вышестоящими органами после утверждения в установленном порядке технико-экономического обоснования и Генерального плана Валаамского музея-заповедника».**

**Заметим, разработка генплана займет не менее 2—3 лет.**

**Ответил «Огоньку» также Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС, сообщивший, что согласно информации Управления пассажирских перевозок Минречфлота РСФСР всем капитанам и экипажам судов, посещающим Валаам, даны указания о строгом соблюдении установленного для заповедных зон режима. Предписано не допускать у причалов Валаама скопления теплоходов.**

**В Министерстве культуры РСФСР у заместителя министра А. И. Шкурко по материалам статьи «Судьба Валаама» состоялось совещание с представителями всех заинтересованных организаций.**

**Министр культуры Карельской АССР О. М. Стрелков сообщил участникам совещания об утверждении положения о Валаамском музее-заповеднике. Двенадцать памятников уже приняты на баланс музея. Начата разработка исторической экспозиции. В этом году на острове открывается первая выставка.**

**Ожидаемые масштабы работ, казалось бы, велики и многогранны. Но на фоне этих крупномасштабных перспектив неубедительными показались сетования министра культуры Карелии на отсутствие охраны, транспорта и даже на то, что работы на Валааме тормозятся из-за отсутствия двух кровельщиков. Но ведь именно Министерство культуры Карелии ответственно в первую очередь за состояние дел на Валааме.**

**Главный инженер объединения «Росреставрация» Ю. Н. Клюев информировал о том, что на Валааме организован реставрационный участок. В 1982 году он должен выполнить работ на 160 тысяч рублей. Об увеличении мощности участка и выполнении им работ более чем на 200 тысяч рублей пока не может быть и речи.**

**Заместитель начальника Управления охраны и защиты леса (Минлесхоз РСФСР) Ю. А. Беляев сообщил, что Валаамскому лесничеству дополнительно выделены две штатные единицы лесников, принимаются меры по противопожарной безопасности лесов.**

**Много говорилось на совещании о роли общественности, о роли членов Всероссийских обществ охраны памятников истории и культуры и охраны природы в деле возрождения уникального исторического и архитектурно-природного ансамбля архипелага.**

* * *

Статья «Судьба Валаама» была написана по материалам прошлого года. И вот древний Валаам прожил еще год. Есть кое-какие положительные перемены: меньше скапливается теплоходов в Никоновской бухте, меньше теплоходных туристов единовременно выходит на берег, громкоговорители на теплоходах вещают о заповедности островов. Но все это доброе, увы, бледнеет и тушуется перед тем фактом, что в июле этого года в непосредственной близи от центральной усадьбы сгорела Покровская часовня.

**Можно лишь удивиться, что по современным документам памятник стоил всего 580 рублей. Действительно, странная цена! Попутно: почему на балансе музея до сих пор только 12 памятников (теперь осталось только 11)? Ведь всего на острове их более 100. Кто охраняет остальные, кто думает о них?**

**Часовня горела среди бела дня, ее пытались спасти, но во всем поселке не нашлось и десятка исправных огнетушителей. Теплоход ОМ-372 подошел поздно, и его пожарные машины лишь не дали огню перекинуться на деревья.**

**Спасибо экипажу этого «омика» и его капитану В. М. Овсянику — несколько лет назад они также потушили разгоравшийся лесной пожар на острове Дивном. Но ведь это пассажирский теплоход, а где же совершенно необходимые на Валааме пожарные катера? Где пожарное депо?**

**В этом году было сухое лето. Сухо шуршали пожухлые травы под смолистыми валаамскими соснами, хрустели под ногами высохшие, как трут, мхи. В таких случаях говорят: состояние повышенной пожарной опасности, а пожарной службы на острове пока практически нет.**

Тревожные мысли вызывают громоздкие деревянные, из сухих досок и бревен, строительные леса, которые реставраторы воздвигали недавно сразу вокруг четырех памятников. Зачем это было нужно? Очевидно, более всего для выполнения денежного плана... Как свидетельствуют многие специалисты, для реставрации такое обилие лесов не нужно. Деревянные леса опасны для памятников и с противопожарной точки зрения и как открытый доступ ко всем оконным проемам, в которых уже сейчас выбито большинство стекол.

Однако стоимость возведенных лесов (около 85 тысяч рублей) составляет уже больше половины того ожидаемого финансового выполнения плана, которое предполагают дать реставраторы в этом году. Ну, а выполнение плана — это ведь еще и премия...

Ситуация на Валааме, увы, типична для многих реставрируемых памятников истории. Объединению «Росреставрация» и другим реставрационным организациям следовало бы наконец прекратить неблаговидную практику первоочередного выполнения «выгодных» работ (часто это многократное возведение вокруг одного и того же памятника дорогостоящих деревянных лесов) в ущерб действенной помощи памятникам.

**В беседе корреспондента «Огонька» с главным архитектором проекта института «Ленгипрогор» А. М. Тидеманом выяснилось, что работа, которую институт выполняет для Валаама, переименована и называется сейчас так: «Материалы, обосновывающие размещение объектов туризма на острове Валаам до 2000 года», ранее она называлась: «Технико-экономическое обоснование Валаамского музея-заповедника». Ощутимая разница!**

**Переименование проработок «Ленгипрогора» произошло с согласия Министерства культуры Карелии. Непонятно, чем обусловлено усиление акцента на туристическом значении Валаама. Теперь волей-неволей приходится недоумевать: что же это за «объекты туризма»? Дом творчества, расположить который предполагается в Белом скиту? Или форелевое хозяйство? Или база «Интуриста»? Думается, что эти с энтузиазмом планируемые работы отнюдь не первой необходимости. И не беда, если они будут сделаны после 2000 года.**

**Конечно, проще всего ликвидировать существующую на острове турбазу, но, право же, не туристы, организованные инструкторами турбазы, наносят сейчас ущерб Валааму, а бесконтрольные «дикие» визитеры и 120 тысяч туристов, ежегодно прибывающих на теплоходах и находящихся на острове по 4—5 часов.**

**В то же время инженерное обеспечение помещений и территории музея-заповедника даже эскизного решения пока не получило. Злободневный вопрос о причалах на Валааме почему-то предполагается решать с учетом эксплуатации на Ладоге судов на воздушной подушке. Но когда и откуда такие суда поступят, как их эксплуатация повлияет на берега заповедного острова — не ясно. Не проще ли все же построить причалы?**

**По предварительной оценке, все работы по развитию Валаама будут стоить около сорока миллионов рублей.**

Но в ближайшем будущем на островах ожидается ежегодно выполнение работ всеми производственными подразделениями только на 300—350 тысяч рублей. Если действовать такими темпами, то к 2000 году не будет освоено и 7 миллионов рублей, то есть не будет выполнена даже шестая часть того, что необходимо сделать на Валааме.

В свете вышесказанного было бы целесообразно четко разграничить очередность выполнения работ на островах архипелага и начинать с самых необходимых, которыми следует считать строгую охрану острова, наведение на нем хотя бы элементарного порядка, консервацию памятников и мероприятия по охране природы.

Судьбу Валаама и других памятных мест нашего Севера следует решать с общесоюзных, комплексных позиций, как это предусматривается в утвержденных типовых положениях о заповедниках, заказниках, национальных парках.

Хотелось бы скорейшего воплощения в жизнь тех благородных, высоких слов, которые были произнесены недавно с трибуны съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где призывалось, в частности, к безусловному и бережному сохранению культурного и исторического наследия Севера России.

Большие дома в маленьком городе.

# ЕСТЬ В РОССИИ М

Музей в Сотницынской школе.

## Земля родная

Марк БАРИНОВ,
фото Михаила САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

# АЛЕНЬКИЙ ГОРОД

**«Стоянка поезда 10 минут...» Взгляд в вагонное окно: «Сасово». «Это что — село, город?» «Город. Районный центр Рязанской области»,— говорит сосед по купе, знающий, бывалый человек. Свисток, и поезд опять набирает ход. Транссибирская магистраль. Мчат поезда в Иркутск, Ташкент, Челябинск, Уфу, Ульяновск, Караганду, Ашхабад — на восток, на юг, в дальние дали. И на запад — в столицу Родины, в Москву... Стоянка 10 минут. Сасово. Маленькая станция, маленький городок. А какие люди в нем живут? О чем мечтают, к чему стремятся? Сойдем! Ушел поезд. Мы в Сасове.**

**Первый секретарь горкома партии Людмила Евгеньевна Борковская:**

— Да, город невелик. А всего Сасовский район — шестьдесят пять тысяч человек населения. Много, мало? Все у нас есть, как в России: и черноземные поля, и дремучие леса, и холмы, и равнины, и Цна-река — красавица, и озера, и промышленность союзного значения, и земледелие многоотраслевое, и животноводство крупное, и хозяйства известные, а главное — люди. С одной стороны, целая армия тружеников, а с другой — шестьдесят пять тысяч судеб, забот, надежд, желаний, побед, поражений... И мы, коммунисты, за всех в ответе. Для меня лично все это не просто слова: и зоотехником в совхозе была, и председателем райисполкома немало лет, и теперь вот здесь... Говорят: «первый секретарь», «начальство»... А я знаю прежде всего: первая я за все, что у нас происходит, ответственность несу. Конечно, невелик городок, невелик район, но дел и забот у нас здесь невпроворот. А уж когда победа приходит, не то что радость,— счастье выше меры. Только трудно добывать и счастье и радость эти. И не справились бы с такими трудностями, если бы мы — горком, горисполком — только командовали бы этой силой — армией в шестьдесят пять тысяч человек. Люди и подсказывают, и поправляют, и напоминают, и требуют. Вместе работаем, всем миром. Нет, ни человек, ни город маленьким не бывает, если дела большие, если душа широкая, большая. Наша Земля из Вселенной тоже, может быть, маленькой кажется, только дети планеты ее великой делают.

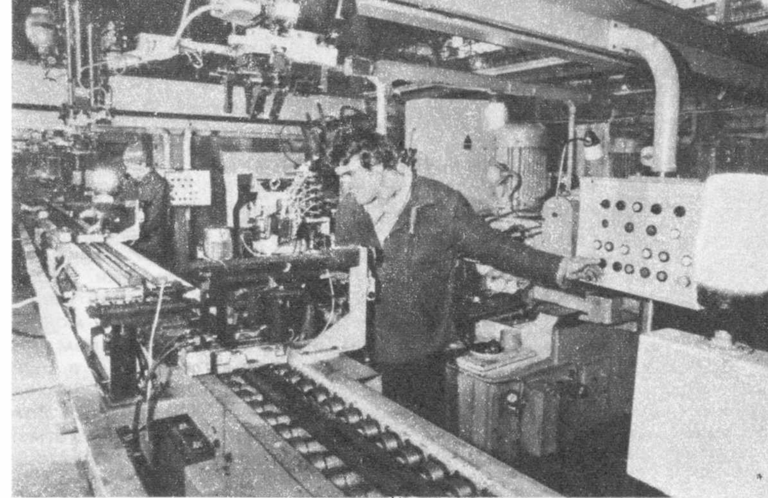
* * *

**Едем по дорогам района, вдоль широко раскинувшихся полей, мимо сел, перелесков. Едем по колхозам, совхозам.**

**Заведующий отделом промышленности и транспорта горкома КПСС Анатолий Николаевич Юдин:**

— Я сам инженер-строитель по образованию, по опыту работы, но должен вам сказать: впервые в жизни вижу такое мощное, концентрированное строительство, какое ведется у нас в последние годы. Целый строительный трест «Рязаньсельстрой» № 5, еще две специализированные строительные организации строят одновременно несколько заводов, часть которых уже работает, и возвели превосходный современный микрорайон, и животноводческие комплексы, и сельские микрогородки. Можно сказать, что фактически во всех наших совхозах и колхозах идет строительство. Сразу по двум направлениям — как мы говорим, соцкультбыт и промышленное. Причем немалая часть строек уже завершена, вошла в строй.

Государство, партия ввели в действие в Нечерноземье огромные силы и средства. Множество различных специализированных организаций работают в районе, и если у них не будет четкого взаимодействия, нужного эффекта трудно добиться. Кто разрешит возникающие на «стыках» противоречия, проверит исполнение, отреагирует быстро и оперативно, кто, наконец, здесь, на месте авторитет для всех? Мы — горком, партийная организация, исполком горсовета. Сейчас мы едем с вами в котельные колхозов имени Ленина и «Родина». И в одном и в другом столько сделано — душа радуется. Построены микрогородки для колхозников: одно-двух-трехэтажные дома, общежития, детские комплексы, а котельные еще не введены в строй. У треста большие планы, масса дел, и такая «мелочь», как две котельные, может «проскочить» мимо внимания строителей (велика ли беда: месяцем раньше, месяцем позже?). А ведь на дворе осень. План в конце концов строители выполнят и даже перевыполнят — когда год на исходе будет, а кол-



Идет отладка автоматических линий.





В Сасовском доме быта.



«Дважды директор» Анатолий Андреевич Комаров.



Колхозные новоселы.

хозники?.. Тут и надо «подправить», «подкорректировать». Для того мы и собираем совещание... прямо в котельной. Всех заинтересованных лиц приглашаем: и колхозников, и строителей из треста, и из других организаций... Или другой пример. Построили превосходный микрорайон. Многоэтажные дома, один из лучших в РСФСР Дом быта, Дом книги, парк культуры и отдыха заложили. Вроде бы все. А рабочие обратились в горком: как же так, Дворца культуры нет, спорткомплекса нет? И в самом деле: или не учли проектировщики, или решили «сэкономить». Думали, обсуждали мы в горкоме с представителями предприятий эту проблему — приняли решение: войти с ходатайством в правительство республики, в ВЦСПС, добиться решения о строительстве и дворца и комплекса. Сейчас как раз закладывают второй микрорайон...

**На высоком, обрывистом берегу Цны древние оборонительные валы — остатки минувших веков. Внизу — серебряное зеркало красавицы реки, вдали — силуэты городских кварталов, заводские трубы, ретрансляционная вышка.**

**Инструктор горкома КПСС Валерий Степанович Васильев:**

— Щит России — вот чем была и эта крепость и другие такие же оборонительные сооружения, защищавшие нашу Родину в давние времена от Дикого Поля.

Я учитель по образованию и турист по призванию. С рюкзаком за плечами с ребятами-школьниками походил по стране. И на Кольском полуострове побывал, и в Крыму, и в Прибалтике, а все же для человека лучше, чем его родные места, нет!

И еще, знаете, думаю, что неразрывная связь существует между теми великими преобразованиями, которые происходят в наше время, и теми примерами высокого патриотизма, которые хранит история наших мест. Считаю своим долгом сделать все для того, чтобы память истории родных мест не угасала. Здесь, в этой древней крепости, необходимо провести археологические изыскания, создать экспозицию, наглядно показывающую жизнь, быт наших предков, охранявших рубежи Родины. Нам нужен городской краеведческий музей. Сасово может немало рассказать и о своем прошлом, и о настоящем, и о будущем. Есть у нас и здание подходящее для музея — старинный дом прекрасной архитектуры, отмеченный к тому же важным историческим событием: в 1919 году, в бурные годы становления Советской власти, здесь выступал Михаил Иванович Калинин.

**Разговор продолжил секретарь горкома партии Анатолий Васильевич Чистотин:**

— Знаете, пожалуй, главная примета нашего времени — это новые уровни культуры, на которые мы выходим по всем параметрам. Я имею в виду технику и технологию промышленного и сельскохозяйственного производства, современные жилищно-бытовые условия — ведь колхозники и рабочие совхозов получают жилье городского типа со всеми удобствами. Так что сейчас одна из основных задач — всемерный подъем культуры, духовной, технической, коммунистической морали и нравственности. Мы ясно видим, что идеологическое воспитание и материальные условия труда и жизни людей неразрывны. Очень радует инициатива самих трудящихся, которые приходят к нам с дельными советами и предложениями. Вот сейчас, например, горком серьезно изучил письмо нашего земляка, художника и литератора Почиталина. Он всю жизнь свою не терял связи с родными краями. Работая далеко на Севере, ежегодно бывал в родном селе Сотницыно, написал много картин, посвященных своему краю, помог создать здесь небольшой краеведческий музей, подарил целую картинную галерею. А теперь прислал в горком программу создания Сасовского краеведческого музея. Мы отлично понимаем, что можно построить самые великолепные дворцы культуры, музеи и другие подобные сооружения, но если не будет вот таких энтузиастов, людей, преданных делу просвещения и культуры, то все наши усилия не принесут результатов. Потому горком и исполком горсовета не только доброжелательно отнеслись к этому письму, но, изучив его, решили подготовить здание, открыть новый культурный центр.

**Село Сотницыно так называется потому, что в давние времена здесь была сотница — пограничная стрелецкая застава. И краеведческий музей — вовсе не маленький — в четырех больших комнатах (бывших школьных классах) да еще один класс — ныне картинная сельская галерея — все это предмет особых забот директора местной средней школы Павла Филипповича Индеева и его воспитанников. А школу, музей, картинную галерею и детский садик-теремок, в свою очередь, считает своими «цехами» «дважды директор» Анатолий Андреевич Комаров — директор совхоза «Сотницынский» (сахарная свекла — сырье для расположенных тут же сахарных заводов) и он же — председатель межрайонного животноводческого комплекса (огромная молочная ферма, а также — откорм крупного рогатого скота. Основной корм для животных — жом, отходы сахарного производства. В результате — замкнутый цикл).**

**«Дважды директор» Анатолий Андреевич Комаров:**

— Спрашиваете, почему «дважды»? Да потому, что оба хозяйства теснейшим образом связаны, разрывать руководство не имеет смысла. И пока действуют два штатных расписания. А я... получаю сто рублей за совместительство.

— Так, наверное, невыгодно — сто рублей?

— Еще как выгодно. Два директора между собой не спорят, отношения не выясняют. И нервы целее, и для дела лучше! Что смеюсь, не смотрите, говорю-то я вполне серьезно. Как будет дальше? Это пусть плановики да финансисты решают.

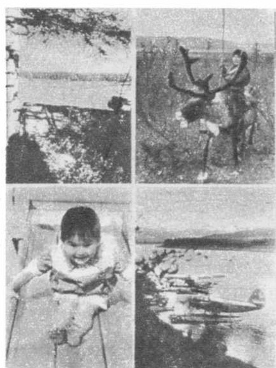
А что хозяйство наше начинается с яслей и детского садика, со школы, так это факт. В музей же, в картинную галерею я и сам частенько прихожу, и ребят Павел Филиппович водит, и учителя здесь уроки прямо в музее дают. Потому что ребята и есть будущие хозяева этой земли и всего, что на ней имеется!

Государство очень крепко помогает в последние годы нам, селянам, только и мы сами не сидим сложа руки. Вот смотрите: нехитрая вроде штука, открытая площадка для содержания стада. Видите — все предельно просто: прочная металлическая ограда с несколькими отделениями, автоматизированные кормушки, транспортер для уборки навоза, подведена горячая вода — доильные аппараты. На что это похоже? Правильно: на оборудование для содержания стада в помещении осенью и зимой. Только почему бы летом не устроить коровам «дачу» — те же удобства, но на свежем воздухе? Подумали, прикинули и сделали. Дояркам в сто раз удобнее, быстрее: и горячая вода есть и не надо за коровами по полю бегать... Теперь отовсюду к нам ездят, смотрят, учатся... А все здесь просто: надо думать и идти навстречу...

Или еще — дома́ у нас в совхозе прочные, добротные, а мы еще придумали: гладким шифером рубленые стены обшиваем. Зачем? А вы знаете, какая экономия топлива получается!

Думаете, это все я такой умный-разумный? Знаете, надо побольше, почаще с людьми советоваться... Скажете, мол, как просто это все у Комарова получается? А ведь мы занимаемся самым главным в жизни человека, а главное — оно сложным, запутанным не бывает. Главное — человек, природа, жизнь. Любить надо свое дело, свою землю, и тогда все преодолимо!

...Сасовская земля, русская земля, Россия. Родина, люди, народ. Может ли в этих понятиях быть что-то маленькое?



# НЫТИКИ ЗДЕСЬ НЕ ЖИВУТ

Наталья БУМАГИНА

**Дон-дон-дон... Звук колокольца все ближе, потом слышится треск сучьев под множеством копыт, и наконец дыхание огромного стада. Впереди пастухи на верховых оленях, за ними — целый лес рогов. Вся масса движется, как одна волна, неуловимо глазу обтекая преграды. И вот уже различаешь отдельных животных. Смотрите-ка, есть и белые как снег!**

**Это двухтысячное стадо принадлежит совхозу «Суриндинский» Байкитского района. Сюда, на стойбище, олешек пригнали, чтобы отдохнули они от гнуса и оводов. Огромная площадка окружена тлеющими бревнами — дымокурами. Животные постепенно успокаиваются, многие в истоме ложатся.**

**Только тогда пастухи спешиваются. Среди них несколько мальчишек. Вообще-то они учатся в школах-интернатах, но в каникулы приезжают к родным — в тайгу, тундру — помогать пасти оленей. Держатся все независимо. Сквозь смуглую кожу просвечивает яркий румянец, на голове шапка черных волос.**

**— Верховой олень называется учуг,— солидно сообщают мне.— На шее колокольчик — ботало, чтоб издали слышно было.**

**Женя Оросkуев, Сережа Гаюльский оглаживают своих любимцев, освобождают от седла. А потом вместе со взрослыми заходят в чум. В этом временном летнем жилище — полумрак, прохладно, терпко пахнет свежей подстилкой из лапника. Собравшись вокруг очага, ведут люди долгую беседу о судьбах родной Эвенкии.**

**Этот автономный округ в центре Красноярского края богат оленями, пушниной. Но уже разведаны нефть, газ. В первозданный пейзаж вписалось несколько буровых. Здесь разработана комплексная программа освоения края. Главное, чтобы не уничтожались драгоценные пастбища-ягельники. Ведь оленей в округе около пятидесяти тысяч. Это еда, одежда, лекарство. А пушнина — валюта. Не только профессиональные охотники, но и многие другие люди в свой отпуск отправляются в тайгу, заключив договор с госпромхозом, который обеспечивает добытчика боеприпасами и продовольствием.**

**— Как засентябрит, уже невозможно усидеть на месте,— признаются местные жители.— Берешь двух-трех собак, припасы, все в лодку, и по реке километров за сто, а то и больше. А там уж твои владения. Есть и несколько избушек, расположенных так, чтоб от одной до другой пробежать на лыжах за день. Берегись только медведя-шатуна... Обратно возвращаешься часто пешком, река-то уже замерзла. Если повезет, заберут вертолетом.**

**Вообще авиаторы — первые люди в автономном округе. Здесь и срочная медицинская помощь, и связь, и бытовое обслуживание имеют, так сказать, вылетную форму. Ведь дорог-то никаких. А реки хоть и большие, но судоходны лишь по большой воде. Вот и приходится все, абсолютно все, от иголки до строительных блоков, привозить раз в году. И продовольствие тоже. Конечно, и на месте тоже немало всего произрастает, летом только успевай заготавливать грибы-ягоды. А по весне сюда приходится подкидывать самолетами для детей фрукты. Тут уже берут ящиками.**

**Говорю:**

**— Так дорого же!**

**— Да мы и не спрашиваем, сколько стоит,— отвечают мне.— Надо, и берем. Денег хватает. И жить здесь хорошо. Больше, чем в городах, ценятся истинные радости. А главное — человеческое общение.**

**Это понятно: территория округа велика, а людей мало, всего приходится 0,02 человека на один квадратный километр. И сурова земля эвенкийская. Морозы страшенные. Дух захватывает. Но если вчера было пятьдесят градусов, а сегодня только сорок, люди говорят: «Тепло-то как». Да, нытикам здесь не место.**

**Сало ФЛОР,**
**международный гроссмейстер,**
**шахматный обозреватель**
**«Огонька»**

А. А. Алехин.



# НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Александр Александрович Алехин! Непревзойденный чемпион мира отметил бы в эти дни свое 90-летие, если бы его усталое, нервное, тоскующее по Родине сердце не остановилось так рано, слишком рано — в возрасте 53 лет, в Эсториале, близ Лиссабона.

Трудно, невозможно в одной короткой статье по достоинству отметить значение Алехина, ту колоссальную роль, которую он играл и играет в развитии шахматной культуры.

После В. Стейница, Э. Ласкера чемпионом мира стал феноменальный кубинец Х. Капабланка. Он много лет жил в Нью-Йорке. В американской печати его называли «чемпионом на все времена», шахматистом непобедимым (Капа действительно проигрывал редко), шахматной машиной. Он при жизни стал легендой.

Капабланка сам неосторожно на весь мир заявил, что шахматная игра нуждается в какой-то реформе, ибо ей якобы угрожает «ничейная смерть». И вот в 1927 году в Буэнос-Айресе состоялся принципиальный матч между Капабланкой — гроссмейстером, овладевшим высшей техникой, и Алехиным — гроссмейстером с богатейшей фантазией. Шахматный мир верил в непобедимость Капабланки. Накануне отъезда из Парижа в Буэнос-Айрес журналисты задавали Алехину вопрос: «На что вы, собственно говоря, надеетесь, как вы думаете выиграть у Капабланки шесть партий?» (на таких условиях игрался матч, кстати сказать, как и теперь). Алехин ответил: «Да, трудно себе представить, как можно выиграть у Капабланки шесть партий.— И, улыбаясь, добавил: — С другой стороны, с трудом представляю себе, как это он хочет выиграть шесть партий у меня!»

Хорошо известно, чем кончилась грандиозная шахматная битва в Буэнос-Айресе — 6 : 3 (при 25 ничьих) в пользу Алехина! Великолепная, блистательная победа Алехина имела огромное спортивное значение. Впервые в истории чемпионом мира стал русский гроссмейстер. Но особенное значение имела победа Алехина в чисто творческом отношении: высокая техника Капабланки была сломлена человеческим гением, шахматным гением Алехина. Затихли рассуждения о шахматной машине, о «ничейной смерти». Шахматы — игра бессмертная. И Алехин это в Буэнос-Айресе доказал с блеском.

Э. Ласкер после матча писал: «Выигрыш матча Алехиным является победой непреклонного борца над умом, избегающим всего неясного. Капабланка стремится путем научных методов к точности, Алехин же в большей мере художник, в нем больше исканий, а в принципе такое творчество выше, особенно если оно проявляется в борьбе».

Другой шахматный мыслитель, чехословацкий гроссмейстер Р. Рети (один из немногих, кто верил в победу Алехина), отметил: «В выигранных Алехиным партиях под ледяным покровом современной техники ярко горит страстное искание новых путей, что совершенно чуждо Капабланке».

Алехин тогда писал: «Наконец мечта моей жизни осуществилась, и мне удалось пожать плоды моих долгих усилий и трудов. Для меня шахматы не игра, а искусство. Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на его приверженцев».

Алехин был предан шахматам всей душой. Чемпион мира всегда оставался исключительно активным. Он дал огромное количество сеансов в разных странах на разных континентах. Он поставил мировой рекорд в игре вслепую — на 32 досках. Фантастическое, уму непостижимое достижение! Несомненно, что напряженная творческая деятельность неуемного чемпиона мира, его не очень строгий спортивный режим должны были отрицательно повлиять на здоровье.

Вот немного статистики. Чемпион мира участвовал в 83 турнирах, сыграл 26 матчей. Из 1251 партии он выиграл 725, свел вничью 400, проиграл 126. В 45 турнирах Алехин завоевал первый приз, в 12 турнирах делил 1—2-е места, в двух — 1—3-е места. Шесть раз он был вторым, 18 раз делил 2—3-е места. К этим впечатляющим цифрам необходимо добавить, что Алехин был очень плодотворным шахматным литератором — он написал 18 книг. Глубокие комментарии Алехина (особенно в его книге о турнире 1924 года в Нью-Йорке) поучительны для шахматиста любой категории. Спортивные достижения, рекорды со временем могут быть побиты, но художник Алехин занимает особенное место. Характерно, что благодаря блестящему стилю игры он почти в каждом турнире награждался призом за красоту. Творческие достижения сохраняются навсегда, они вечны.

* * *

Э. Ласкер был чемпионом мира в течение 27 (!) лет — А. Алехин ушел из жизни непобежденным. Приводимая партия этих шахматных гигантов была сыграна на турнире в Цюрихе в 1934 году. Этот крупный турнир закончился победой Алехина.

Партия не является лучшей из сыгранных Алехиным. Но она интересна хотя бы тем, что это была первая его победа над Ласкером. Оба чемпиона мира всегда относились друг к другу с большим уважением. Хорошо помню, как на торжественном закрытии турнира Ласкер в большой речи восторженно отозвался о значении творчества Алехина. Алехин, в свою очередь, отметил, что считает Ласкера своим учителем.

Ферзевый гамбит.

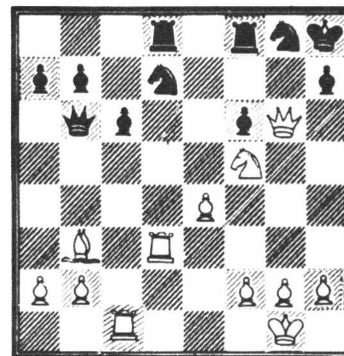
А. Алехин — Э. Ласкер

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Kg1—f3 Cf8—e7 5. Cc1—g5 Kb8—d7 6. e2—e3 0—0 7. Лa1—c1 c7—c6 8. Cf1—d3 d5 : c4 9. Cd3 : c4 Kf6—d5 10. Cg5 : e7 Фd8 : e7 11. Kc3—e4 Kd5—f6 12. Ke4—g3 e6—e5 13. 0—0 e5 : d4 14. Kg3—f5 Фe7—d8 15. Kf3 : d4 Kd7—e5 16. Cc4—b3 Cc8 : f5 17. Kd4 : f5 Фd8—b6 18. Фd1—d6 Ke5—d7 19. Лf1—d1 Лa8—d8 20. Фd6—g3 g7—g6 21. Фg3—g5! Kpg8—h8 22. Kt5—d6 Kph8—g7 23. e3—e4 Kf6—g8 24. Лd1—d3 f7—f6 25. Kd6—f5 + Kpg7—h8 26. Фg5 : g6!

Черные сдались.

Заключительная позиция:

Ласкер



Алехин

---

# ДОРОГА ЗЕМЛЯ ИМЕНАМИ СЛАВНЫМИ

В книге очерков Михаила Савченко рассказывается о М. Горьком, В. Маяковском, Вс. Вишневском, А. Серафимовиче, Дм. Фурманове, Ф. Гладкове, Н. Островском, В. Овечкине. Объединяет всех Кубань. Так и называется книга — «Они были на Кубани».

Мы читаем книги и нередко задумываемся: откуда узнал обо всем писатель? Оказывается, писателю мало знать, часто необходимо самому и увидеть и пережить. Вот, например, «Железный поток» А. Серафимовича. Еще в предреволюционные годы будущий автор романа проходил по тем местам, где в гражданскую войну пролегал путь знаменитой Таманской армии. Федор Гладков тоже не выдумал события, которые составили основу романа «Цемент». Живя в предреволюционные годы в Новороссийске, он был связан с рабочими цементных заводов. И едва отгремели события огненных лет, он написал свою знаменитую книгу о трудовых годах первого октябрьского десятилетия. В гражданскую войну комиссар десанта Дмитрий Фурманов участвовал в боях за станицу Гривенскую на Кубани, командовал ротой десантников и в числе немногих приказом Реввоенсовета Республики был награжден орденом Красного Знамени. Позднее читатели прочли об этом рейде в «Красном десанте» Дм. Фурманова.

Или горячие, бойцовские книги Валентина Овечкина. Можно узнать точный адрес, где они родились. Это места, где жил и работал сам писатель на Кубани — сначала в Курганинском райколхозсоюзе, потом заведующим отделом райкома партии, секретарем станичного парткома. «Я дневал и ночевал в тракторных бригадах»,— скупо сообщал о себе В. Овечкин. Временами было нестерпимо трудно, но — странное дело — силы не убывали, а словно прибавлялись. И то, что он сам видел, пережил, рождало такую творческую энергию, что передавалась на страницы его очерков и рассказов.

В довоенную пору В. Овечкин был корреспондентом ростовской краевой газеты «Молот». Можно сказать без преувеличения, что уже в ту пору каждый его очерк становился событием, будил мысль житейской рассудительностью и заинтересованностью человека от земли и в то же время сердечностью, неповторимым юмором.

Читаю книгу М. Савченко, и словно воскрешаются незабываемые годы общения с В. Овечкиным; он умел щедро делиться с молодыми литкружковцами Ростова мудростью, которая познавалась им — молодым журналистом и писателем — не на шумных и оживленных жизненных и литературных перекрестках, а в «глубинке». Уже тогда В. Овечкин оговаривал, что слово «будни» не соответствовало своему изначальному смыслу, а означало кипение, страсть, настоящую жизнь, полную трудностей, тревог и ни с чем не сравнимых радостей победы.

Разнообразные, интересные сведения представляет М. Савченко читателю. Годы исследовательского труда ушли на поиски и сбор материалов о советских писателях, связавших в той или иной степени свою судьбу с Кубанью. За каждым из описанных событий или действий стоят конкретные личности. Имена их бесконечно близки нам. Любой факт их жизни и творчества обогащает наши представления об эпохе, литературном движении, творческих взаимосвязях, наконец, о бойцовских качествах советских писателей.

Дм. БРУДНЫЙ

---

Михаил Савченко. Они были на Кубани. Очерки. Краснодарское книжное издательство, 1982.

Михаил ВЛАДИМОВ

# ТЕЛЕГРАММА

ФЕЛЬЕТОН

В редакционной почте среди других критических сигналов немало нареканий на нечеткую доставку телеграфных отправлений.

Известно любому
Из физики это:
Идет телеграмма
Со скоростью света...
Я дал телеграмму
Во вторник из Лейска —
Со сроком прилета
И номером рейса.
В четверг прилетаю,—
Комедия с драмой:
Пришла... вслед за мною
Моя телеграмма!

А вскоре в квартиру
Являются гости,
Полны возмущенья,
Обиды и злости:
— Мы... вам... телеграмму...
И поезд... и час...
У нас — чемоданы...
Варенье... и таз...
Полдня на вокзале
Прождали, увы,—
Гостей почему-то
Не встретили вы!..

Приятель,
Услышав об этом, сказал:
— Со мною похлестче
Случился скандал.
«Люблю! —
Телеграмму послал я
в Курбак.—
Прошу, дорогая,
Согласья на брак!»
Пока телеграмма
В дороге была,
Моя дорогая
К другому ушла!..
Дождешься скорей
Прошлогоднего снега...
Ужель телеграмма
От слова... «телега»?!

Я путь телеграмм
Проследил поминутно.
Нет, физика здесь
Ни при чем абсолютно.
Идет телеграмма
Со скоростью света.
Но —
До передачи валяется где-то.
А после — ползет черепахой,
Кочует
От почты до почты,
На полках ночует!..

Нельзя ли без «дремы»,
Нельзя ли без драмы?
А ну-ка тряхни стариной,
Телеграмма!
«Люблю!» — напишу я на бланке.
И это
Дойдет пусть к любимой
со скоростью света!

# МЫСЛИ ВСЛУХ



Владимир ХОЧИНСКИЙ

Как мало надо знать слов, чтобы научиться приказывать...

* * *

Родился под счастливой падающей звездой...

* * *

Одних любовь обогащает, другие обогащаются за счет любви.

* * *

Из пустяка легче сделать трагедию, чем из трагедии пустяк.

* * *

Поскользнулся... А все оттого, что все у него было ровно, гладко...

* * *

Счастье не делят. Им делятся.

Ефим ФУРМАН

Выносил по иголке — и накололся.

* * *

Повесть не лезла ни в какие рамки. А в план издательства вошла.

* * *

Качество фотографии зависит от лица заказчика.

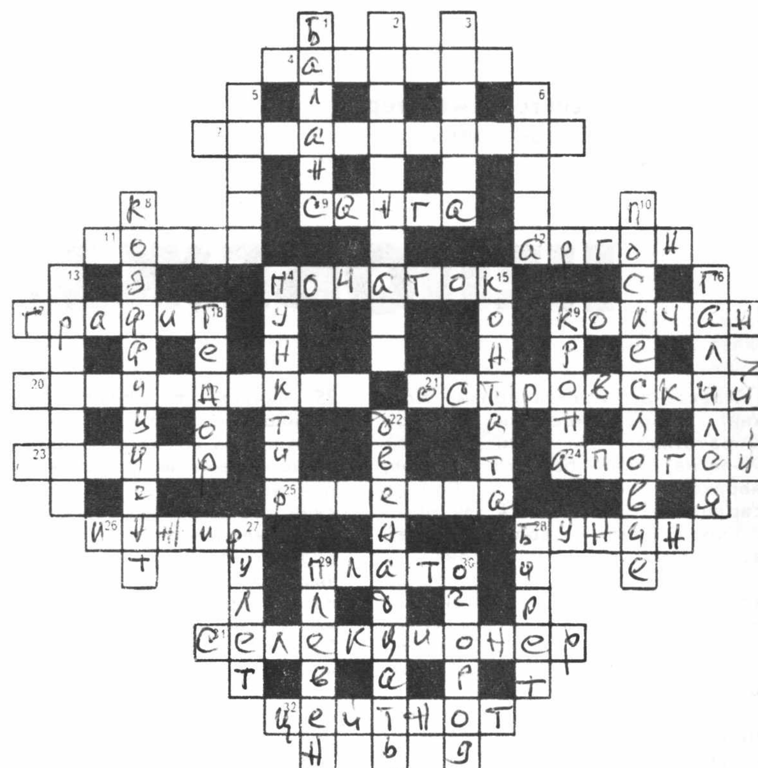
* * *

Защитил диссертацию от плагиаторов.

* * *

И у пивного ларька людей мучает жажда общения.

# КРОССВОРД



**По горизонтали:** 4. Дощечка для смешивания красок. 7. Симфоническое произведение М. И. Глинки. 9. Приток Конго. 11. Духовой музыкальный инструмент. 12. Химический элемент, газ. 14. Соцветие. 17. Минерал, модификация углерода. 19. Футляр для стрел. 20. Русский композитор XIX века. 21. Выдающийся советский писатель. 23. Измерительный инструмент. 24. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны. 25. Орнаментальный мотив в виде цветка. 26. Южное плодовое дерево. 28. Русский писатель. 29. Возвышенная равнина. 31. Специалист по улучшению сортов растений, пород животных. 32. Недостаток времени для обдумывания ходов в шахматах.

**По вертикали:** 1. Равновесие. 2. Немецкий инженер, один из основоположников планеризма. 3. Массовые периодические издания. 5. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 6. Мягкая ткань с густым ворсом. 8. Числовой множитель в алгебраическом выражении. 10. Заключительная статья к сочинению. 13. Литературный кружок в Петербурге, участником которого был А. С. Пушкин. 14. Прерывистая линия. 15. Крупное вокально-инструментальное произведение. 16. Малая планета. 18. Высокий мужской голос. 19. Денежная единица Чехословакии. 22. Поэма А. А. Блока. 27. Кондитерское изделие из слоеного теста. 28. Головной убор. 29. Город в Болгарии. 30. Участок земли под овощами.

### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

**По горизонтали:** 1. Колас. 3. Парад. 5. Мечников. 8. Эскадрон. 10. «Волна». 11. Танго. 12. Пятигорск. 16. Шоколад. 17. Рагозин. 18. Диаметр. 19. Оркестр. 21. Аквамарин. 24. Фобос. 26. Конус. 28. Квадрига. 29. Бабочкин. 30. Сабля. 31. Сайра.

**По вертикали:** 1. Камов. 2. Слива. 3. Пласт. 4. Динго. 6. «Челкаш». 7. Ватт. 8. Эфир. 9. Рындин. 12. Программа. 13. Индигирка. 14. Образцова. 15. Кронштейн. 18. Домбра. 20. Рудник. 22. Вега. 23. Румб. 24. Фикус. 25. Сирия. 26. Кросс. 27. Сунжа.

**НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:** Братья-близнецы Юрий, Андриан и Герман Борисовы учатся в ГПТУ-16. Скоро они станут помощниками машинистов электровозов. (См. в номере материал «Есть в России маленький город».)

Фото М. Савина

**НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:** Эвенкия... Огромны просторы этого автономного округа в центре Красноярского края. Чтобы попасть в соседний райцентр или поселок, без вертолета или самолета не обойтись. На охотничью стоянку, как вот эта, на берегу реки Виви, люди тоже добираются вертолетом. * Чтобы жить в этих суровых краях, закаляться надо смолоду! * Тогда сможешь оседлать и оленя, как это делает на каникулах Женя Оросхуев из поселка Суринда, и сесть за штурвал гидросамолета. * В Туринском гидропорту. (См. в номере материал «Нытики здесь не живут».)

Фото Н. Бумагиной

**Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.**

**Редакционная коллегия:** Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.**

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.10.82. Подписано к печати 09.11.82. А 00429. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2576. Заказ № 3255.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Олег ШМЕЛЕВ,**
**фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,**
**специальные корреспонденты «Огонька»**

# 79-й вступает в связь

Машины выезжали за ворота осторожно: был первый октябрьский гололед.

Миновав створ ворот, старшина, не нагибаясь к установленной под баранкой, чуть правее, рации, сказал:

— «Урал»! Семьдесят девятый вступает в связь.

Чистый, словно рядом звучащий живой голос ответил спокойно-подтверждающе:

— Вступил семьдесят девятый. «Урал» вас принял.

«Урал» — это дежурная часть Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома. 79-й — экипаж автопатруля в составе командира отделения старшины Анатолия Сергеевича Полякова и милиционера-водителя Сергея Степина. № 79 — это один из квадратов, на которые разделена Москва и в каждом из которых патрулирует автомобиль с экипажем в два человека. 79-й квадрат находится в Первомайском районе. Когда патрульные машины занимают свои квадраты, в дежурной части отмечают: «Город закрыт». Но не следует пугаться. Москва всегда открыта для людей — нет в мире более открытого города с более открытой душой. Когда так говорят московские милиционеры — это значит, что они постараются закрыть город для преступников.

...Инструктаж был кратким и четким. Майор Александр Григорьевич Великанов, заместитель командира подразделения милиции полковника Михаила Николаевича Барышникова по политико-воспитательной работе, напутствовал экипажи словами, призывающими строго нести службу, исполнять безупречно долг охранителя порядка. И машины разъехались...

Экипаж старшины Полякова следует в квадрат № 79. За баранкой сам старшина. Мы сидим сзади и втайне надеемся, что увидим экипаж в каком-нибудь серьезном действии.

У надежд наших есть вполне реальная почва, потому что командиру экипажа Полякову, как нам говорили, везет на происшествия.

Вот, например...

Патрулировал однажды Поляков в другом квадрате. С ним был опытный водитель — старшина Александр Иванович Иванов. Едут тихо по улице Яблочкова, время — первый час ночи. Видят, у тротуара стоит такси, и в нем четверо, не считая водителя. Вдруг задняя дверца распахивается, и из машины выскакивает женщина — с криком, с плачем,— но ее держат за руку.

Иванов, сидевший за рулем, газанул и через секунду резко затормозил возле такси. Поляков вышел. Рука, державшая женщину, отпустила ее.

— В чем дело?

— Подлецы!— Заплаканное молодое лицо искажено гневом.

Поляков заглянул внутрь машины.

— Прошу выйти.

Двое, сидевшие сзади, нехотя выбрались. Это были здоровенные субъекты, хотя Поляков и глядел на них сверху вниз с высоты своего двухметрового роста.

— Прошу вас предъявить паспорт.

— А что мы сделали?

— Я прошу вас предъявить документы.

Тут из такси вылез третий, бросил дружкам так, словно никакой милиции рядом и духу не было:

— Пошли, что ли...

Все трое зашагали прочь по темному переулку.

Поляков попросил женщину, чтобы садилась на заднее сиденье, сказал Иванову:

— Вызови кого поближе.

И пошел догонять троицу. Иванов связался с экипажем соседнего квадрата и тихо повел машину следом.

Поляков догнал их на углу. Они не разбежались кто куда, как могли бы сделать. Остановились, повернулись, и в полутьме Поляков видел, как недобро смотрели на него прищуренные глаза. Сразу стало ясно, что здесь придется употребить силу.

— Документы! — снова потребовал Поляков, заранее зная, что ответом будет только наглая улыбка.

Он схватил одного, развернул. Другой кинулся на него сзади, чтобы ударить по голове. Поляков был к этому готов, уклонился, подставил плечо. Потом оглянулся и увидел в руке у третьего нож. Но Иванов подоспел вовремя. А тут и соседи примчались.

Позже выяснилось, что один из троих был неоднократно судим...

Наша машина движется в потоке транспорта, часто сбавляя скорость почти до пешеходной: гололед действует на водителей убедительнее, чем присутствие самого строгого автоинспектора.

— «Урал»! Шесть один вступает в связь!

— Вступил шестьдесят первый. «Урал» вас принял.

Потом вступают другие экипажи, но сам «Урал» никого не вызывает. Значит, в городе спокойно.

А Поляков вспоминает случай из минувшего августа, может быть, по аналогии с предыдущим, потому что здесь тоже пострадала девушка.

14 августа он дежурил ночью в своем 79-м квадрате вместе с Сергеем Степиным (хотя вообще-то напарники у него часто меняются, потому что, когда приходят новички, им в наставники дают именно Полякова).

Половина четвертого, до рассвета еще часа два. На улицах ни души. И автомобилей не видно, только изредка проедет какой-нибудь полуночник.

На Семеновском валу Поляков издалека заметил у дома № 10 одинокую фигуру. Человек вел себя странно: он словно метался на пятачке в два шага, как мечутся в тесной комнате.

Подъехали, затормозили. К машине кинулась молоденькая девушка. Лицо ее было в ссадинах — видно, что били, хотя кровоподтеки еще не проявились.

— Товарищи милиционеры! — Столько отчаяния и одновременно столько облегчения вырвалось в этом восклицании, что Полякову стало ее нестерпимо жаль.

— Что случилось? Да вы не волнуйтесь, говорите, какая беда?

Поляков усадил девушку на заднее сиденье. Пришлось немного обождать, пока она справится с сотрясавшей ее дрожью. А потом она рассказала, как ее остановили трое парней, выдернули из ушей серьги, сняли кожаную куртку, повалили на землю и били ногами.

За время службы в милиции Поляков видел всякое и способен понять что угодно. Но такой подлой жестокости он ни понять, ни простить никогда не мог.

— Сколько прошло? — спросил Поляков.

— Не знаю... Может, минут пять.

Поляков задал вопрос о приметах, девушка сказала, что́ запомнила.

Они начали кружить по улицам, заглядывая во дворы. Поляков знает квадрат, как свою квартиру, ему известны все темные углы и подворотни, где могут найти укромное прибежище сомнительные личности.

Его расчеты оправдались даже быстрее, чем он думал. У дома № 7 по Гольяновской улице в кустах было заметно какое-то шевеление. Поляков со Степиным ясно различили три силуэта.

Поляков нисколько не опасался этих троих. Если именно они ограбили девушку, то это жалкие трусы, потому что только трус способен бить совершенно беззащитного человека.

Не стоит особенно расписывать, как действовал экипаж Полякова. Грабители пытались скрыться, но были задержаны и доставлены в 29-е отделение милиции. Девушка опознала их...



За рулем — старшина А. С. Поляков.

— Я «Урал»,— наконец-то слышим мы.— Неизвестный угнал «КрАЗ». Запишите номер...

Сергей Степин записывает номер грузовика.

Кому и для чего понадобилось угонять громоздкий автомобиль? Возможно, кто-нибудь, взбодрившись портвейном, решил доставить себя домой на казенном транспорте? Или пробует силы малолетний начинающий автолюбитель? В этом есть нечто курьезное, но нет ничего смешного. Тот, кто сидит сейчас за рулем угнанного автомобиля, представляет потенциальную опасность для жизни пешеходов и пассажиров автобусов, троллейбусов, трамваев и вообще для всех, кто движется по улицам города...

Прежде чем занять свой квадрат, мы приезжаем в управление внутренних дел Первомайского района. Здесь Поляков докладывает начальнику отдела охраны общественного порядка подполковнику В. С. Лаврухину, что экипаж прибыл на дежурство, и подполковник проводит короткий инструктаж, объясняет обстановку. Потом Поляков выписывает себе в тетрадь данные о происшествиях из папки, в которой подшиты телеграммы, принятые по телетайпу дежурной частью районного управления. Одна телеграмма: в 3.35 ночи житель города Ногинска обнаружил, что у него угнали «Волгу» (указывается номер). Вторая телеграмма: найдено письмо, посланное гражданину такому-то (приводятся фамилия и имя) по такому-то адресу; возможно, адресат — один из угонщиков (их оказалось двое). Третья телеграмма: полные имена адресата и его спутника, их подробные приметы. Четвертая телеграмма: адресат задержан, но второй, его сообщник и соучастник, еще не обнаружен,— вот это и взяли себе на заметку Поляков и Степин, записав в тетрадь приметы скрывающегося преступника.

...Едем к гостинице «Измайлово». Отсюда экипаж обычно начинает патрулирование. Но прежде надо обойти площадь вокруг.

Едва Поляков покинул машину, возле остановилось такси. Водитель спросил, как лучше проехать в Сокольники. Видно, еще неопытный, Москву знает неважно.

Недалеко кафе. Нелишне заглянуть. Но тут все в норме, пьют только кофе и компот. Идем к машине.

— Я «Урал». Пропала девочка Лена (следует фамилия)... Двенадцать лет. Одета: синяя вязаная шапочка, синий шарф, светло-коричневое пальто, красные чулки, белые сапоги. Ушла из дома в поликлинику. В поликлинику не пришла. У нее диабет, необходимо сделать инъекцию инсулина. При обнаружении вызвать «Скорую».

Сергей спешит записать в тетрадь приметы. Бедная девочка, ей надо посочувствовать, но тут речь не о простом сочувствии. Она по детскому непониманию заболталась, вероятно, где-нибудь с подружкой и ведать не ведает, что милиция всей Москвы ищет ее, чтобы уберечь от грозной, возможно, смертельной опасности.

...Тихо движемся вдоль трамвайной линии. На остановке среди немногочисленных ожидающих — двое с какой-то кладью: у одного бумажный мешок, у другого большой сверток под мышкой.

— Посмотрим,— говорит Поляков, ставит автомобиль на тормоз, и идет к остановке. Но быстро возвращается.

— Ложная тревога.

— А почему они вас заинтересовали? — спрашиваем.

— Упаковка не магазинная. И не женскими руками паковалось. А тут, знаете, кругом такие предприятия — есть что выносить... Я недавно одного такого несуна недалеко отсюда задержал... Гляжу, мешок тащит, останавливаю, вежливенько прошу предъявить документы, а у него ни паспорта, ни пропуска никакого заводского или фабричного нет. Ну, я для спокойствия его души говорю: мол, я вас вынужден задержать для проверки личности, потому что хоть какой-то документ должен же у нормального человека иметься, а если дома оставил — так это тоже нетрудно проверить. В общем, отвезли мы его в отделение, там попросили показать, что в мешке, и оказалось — целый рулон пикейных одеял, на фабрике украдены. Он мне на прощание не по-дружески, конечно, но без злобы говорит: «Эх, поздно я смикитил, зачем ты меня задержал».

Едем дальше. По тротуару шагают прохожие, подгоняемые холодным, порывистым ветром.

— Замерзают гости. Не рассчитывали, что в столице — как зимой,— Поляков показал подбородком на спешившую пару — пожилых мужчину и женщину.

— А откуда вы знаете, что они приезжие?

— Сегодня третий день как снег выпал. Все москвичи уже на зимнюю форму одежды перешли. А эти по-летнему.

И правда, оба, и женщина и мужчина, были в плащах и без головных уборов.

Помолчав, Поляков продолжал:

— Служба у нас такая — все замечать. Я за спокойствие жителей своего квадрата отвечаю.

Мы колесили по дворам и дворикам, по улицам и переулкам, старшина Поляков, непременно захватив с собой носимую радиостанцию, чтобы ни на секунду не прекращать связь с «Уралом», заходил в магазины и столовые, проверял потаенные закутки, и мы начинали понемногу понимать, почему Полякову «везет» на происшествия и почему он награжден орденом «Знак Почета», медалью «За безупречную службу» всех трех степеней и отмечен многими другими знаками отличия и наградами. Ему до всего есть дело. И, в противоположность большинству из нас, он умеет не только смотреть, но и видеть.

И еще мы заметили, что уже при одном его появлении в шумных или чреватых излишним шумом местах атмосфера моментально становилась — как бы получше выразиться? — уравновешеннее, что ли. Мы сказали об этом Полякову. Он ответил:

— А как же! Ведь основной принцип нашей работы в чем заключается? В предупреждении правонарушений. Мы вот ездим, нас все видят, и честные граждане, и у кого руки на что-нибудь чешутся — тоже, и будьте уверены: другой и хотел бы похулиганить, а увидит милицию рядом — подумает. Это тоже профилактика.

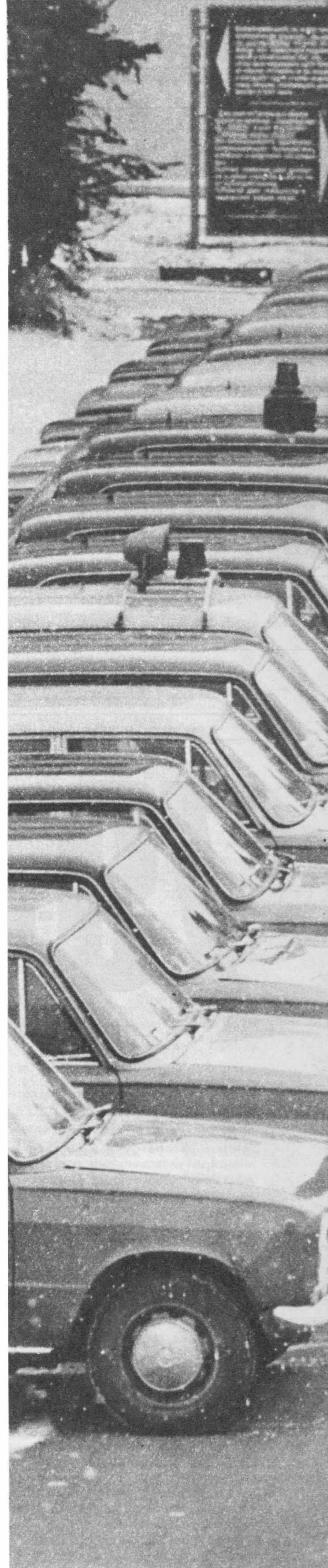
Поляков отчетливо сознает, что один в поле не воин, и потому у него такие тесные контакты с работниками районных отделений милиции, с народными дружинами. И он уверен, что в затруднительных случаях всегда может рассчитывать на помощь горожан. Он-то знает: отнюдь не все в панике разбегаются с места происшествия, боясь попасть в свидетели...

Из своих сорока шести Анатолий Сергеевич Поляков семнадцать лет несет патрульную службу. До этого служил в московской пожарной охране, ствольщиком, два года тушил пожары. А до 1963 года жил в своем селе Староселье, в Смоленской области, куда вернулся в 1958-м после службы на Балтийском флоте (он был электромехаником в частях противовоздушной обороны). Пять лет работал комбайнером, механизатором и, наверное, не променял бы свою деревенскую жизнь ни на какую иную, да умерла мать (отец погиб на фронте в Великую Отечественную), а брат и сестра уже жили в Москве. Одиноко одному — невмоготу, и он отправился к брату и сестре. И с тех пор Москва для него — самый родной город. Здесь он женился, здесь в 1971 году его приняли в партию. Растут дети — дочка и сын...

Такими людьми и сильна наша милиция.

Что касается Сергея Степина, то о его службе пока рассказывать особенно нечего — она только-только началась, с августа 1982-го. Но есть основания предположить, что она окажется успешной: у него отличный наставник, а за плечами — школа армии, как-никак он был старшим сержантом.

...Дежурство подошло к концу. «Урал» давно сообщил, что угнанный «КрАЗ» обнаружен (обошлось без наездов, без столкновений). Девочке Лене вовремя сделали инъекцию инсулина. А наши надежды не сбылись. И это очень хорошо, очень правильно. Хорошо для всех — для москвичей и приезжих, для Полякова и Степина и их товарищей-милиционеров. Хорошо для города.



На инструктаже.



А. С. Поляков (справа) и Сергей Степин.









ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663